

Натали Смит

БЛОГ БАБЫ ЯГИ

Темная сторона

Натали Смит

Блог Бабы Яги – 2. Темная сторона

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68434921

Блог Бабы Яги. Темная сторона / Натали Смит: Авторское; 2022

Аннотация

Древнее неписаное правило было нарушено, новая Яга стала носительницей сразу двух Даров. Но по силам ли ей эта ноша? Сможет ли она держать баланс, когда темная сторона выглядит так привлекательно?

И как сохранить в себе человечность, если главы Корпорации играют грязно, а компаньон вернулся в мир живых не тем, что прежде? Испытание воли и духа – во второй части трилогии «Блог Бабы Яги. Темная сторона»

Содержание

Пролог	5
Глава 1	13
Глава 2	21
Глава 3	34
Глава 4	47
Глава 5	59
Глава 6	81
Глава 7	92
Глава 8	114
Глава 9	127
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Натали Смит

Блог Бабы Яги.

Темная сторона

© Натали Смит, текст, 2022

© Татьяна Чередеева, иллюстрация к обложке, 2022

© Анжела Ярошевская, редактор, 2022

© Екатерина Морозова, корректор, 2022

© Блог Бабы Яги ([/vk.com/yagablog](https://vk.com/yagablog)), 2022

Пролог

В моей квартире больше нет занавесок.

Я перестала наслаждаться темнотой, зашторивать так плотно, чтобы ни единого луча света не пробивалось в комнату. Темнота теперь мой постоянный спутник, заклятая подруга – и хочешь избавиться, и не можешь. Я смотрю на небо, на светящиеся окна соседнего дома, на тонкий серп молодого месяца. В углу, где раньше стояли старая ступа и метла, висит гирлянда, разноцветными огоньками создавая уют.

Я смотрю на свет, пытаюсь впитать в себя побольше. Знаю, что это не то, и все же.

Коты спят. Изумруд – тихо под диваном, а Бальтазар... Бальтазар снова говорит во сне. Я прислушиваюсь, пытаюсь понять. Кажется, что ответ на поверхности, но ускользает. Глаза кота полуприкрыты, видно сизую пленку третьего века, уши дергаются, лапы и хвост тоже. Подтягиваю его из изножья к себе под бок, тихонько глажу блестящую короткую шерсть, мимолетно вспоминаю, как смешно она выглядела в завитушках. Он замирает, дыхание выравнивается.

Как долго это будет длиться? Мы оба словно застряли в кошмаре. Иногда и он будит меня – в моменты, когда в глубинах сна вновь налетает вихрь, и я окружена магическим светом, и выворачивает кости от силы, что проникает в меня сквозь каждую пору.

Супчик охотится, я слышу хлопанье его крыльев через открытую дверь в Убежище. Одиночество давит. Хочется поговорить, обсудить, поплакать. Заполнить пробелы в памяти. Слишком много провалов: я помню отрывки боя, фрагменты своей трансформации, но не все. Как будто сигнал бедствия прерывается – разрывы между словами, суть не ясна.

«Это Янина Воронцова с корабля „Лукоморье“, я терплю бедствие, помогите! Эт... Янина... Лукоморье... бедствие». Кто во вселенной поймает мой сигнал, кто его расшифрует? Казимир ушел, Ядвиги нет, с Тохой говорить не хочется.

Слишком остро.

Он не откажет в разговоре, но я вижу, что ему тоже надо поговорить не с участником событий. Шальная мысль в третьем часу ночи слегка оживляет общее уныние. Я крадусь к входной двери и тихонько отворяю.

– Летописец, ты здесь? – шепчу в пространство.

Ответа нет. В тусклом свете только велосипеды соседей в общем коридоре.

– Покажись, поговорить надо.

Молчит. Жаль. Наверное, ушел, не все же время караулит. Дверь почти закрылась, и вдруг:

– Здесь.

Он проявился. Смотрит настороженно, переминается.

– Заходи, чаю попьем. Ты пьешь чай?

– Пью. – Недоумение не скрыть, все на пяточке написано.

Ах да, ведь пили у Казимира в гостях, забыла.

Осторожно пробирается мимо меня в приоткрытую дверь. Молча ставлю чайник, наливаю большие кружки, достаю морковный торт из любимой пекарни. Замечали, насколько вкуснее все становится ночью?

Коты не проснулись, только ушами дернули.

– Что хочешь обсудить, Яга?

– Битву. Ты ведь все записал?

– Все! – гордо улыбается мелкий свин.

– Я многое не помню. Помоги закрыть пробелы, если это не против правил.

– Данного пункта в своде правил нет, – пожимает плечами летописец. – Думаю, можно. Разговор будет долгий, а у тебя завтра экзамен.

– Ерунда, я готова, – отмахиваюсь и ставлю перед ним блюдце с куском торта. – Все равно не спится.

– Тогда можешь спрашивать.

И мы говорили. Так странно: летописец, этот противный канцелярист-соглядатай, изменился, и я изменилась. Почему бы нам не начать сначала, учитывая общую память на двоих?

* * *

– Яна, как дела? – спрашивает староста. – Ты стала пропускать занятия. Все хорошо?

Слава – нормальный парень, немного заучка, но это

неплохо, я сама люблю учиться.

– Прекрасно!

Утром я замазала круги под глазами и из панды превратилась в подобие человека. Только увлеклась немного и теперь не рискую улыбаться: вдруг штукатурка на лице потрескается?

– Работы было много, – добавляю я. – Ну, знаешь, детские утренники, Баба Яга. Контракт же.

– Ага. Тебе ведь все завидуют. Даже я! – он поправляет очки, я поправляю свои – с обычными стеклами. Зрение благодаря моим силам теперь идеальное, но есть привычка: в очках мне комфортнее. Знаю я о зависти, она ощущается как кубик льда между лопаток.

– Не стоит, работа бывает тяжелая.

Слава скептически выгибает бровь и ухмыляется: мол, не заливай.

– Настолько тяжелая, что даже машина появилась.

– Кредит, как у всех.

Разговор начинает утомлять, я отворачиваюсь, староста уходит на свое место. Аудитория ждет. Билет за билетом вытянули, готовимся.

Вопрос несложный для меня, отложила, жду своей очереди. Надеюсь не нести тарабарщину на латыни, как в прошлый раз. Получилось иначе, но тоже плохо – я забыла почти все со второго предложения. В голове – крики армий, о которых некому рассказать, голоса в магическом солнце,

рык Горыныча. Едва выжала из себя ответ на тройку, попросилась на пересдачу.

Автомат с кофе и шоколадками оказался очень кстати: я закусываю неудачу, пинками прогоняю неприятные воспоминания. Кофе горчит, почти как эхо событий, хотя у меня ощущение второсортного кино с обилием крови в каждом эпизоде. Посмотрела на ночь, теперь отделаться не могу. Вроде бы со мной было, а кажется, что приснилось. Одногруппники веселой гурьбой проходят мимо: парами, тройками и компаниями побольше, – бросают на меня косые взгляды. Пропасть между нами – пропасть между мной и обычным миром. Они пойдут в кафе, отмечать успешную сдачу, кого-то из них устроит и тройка, но не меня. Злость накрывает неожиданно, до сжатых кулаков. Взрывается лампочка, одногруппники с опаской смотрят вверх и торопятся уйти с этажа.

Правильно. Оставьте меня.

Ловлю себя на темной стороне, закрываю глаза, выдыхаю. Нужно заземлиться, научиться жить в этом мире, с этими ничего не подозревающими людьми. С родственниками. «Держи баланс, рыжуля!» – звучит в голове рокочущий голос Казимира.

Я ухожу вслед за всеми, но меня догоняет задержавшийся староста.

– Да, Яна... Ты же отличница, совсем некогда стало гото-

виться? – Слава навязчиво идет следом по лестнице. Захотелось поставить ему подножку. Очень вовремя зазвонил телефон, чем спас его от неминуемо свернутой шеи:

– Извини, мне кот звонит.

Слава вытаращил глаза, но мне некогда любоваться. Дома снова хаос. И надо держать баланс.

* * *

Изумруд сидит под диваном и шипит, чтобы дали ему умереть, изверги. Мы в тысячный раз уверяем, что не будет ему такой блажи. Это совсем не веселая сказка о травмах, потерях и стадиях горя. Изя агрессивный и унылый, но против Бальтазара больше не идет: несколько раз за это время получил по морде.

Перед ним миска с мясом, миска с рыбой, вода. Не ест. Худой, как скелет, кости торчат. Баст приходила на прошлой неделе, достучалась до него, немного поел. Сегодня тоже зову. Либо он себя покалечит, либо мы не выдержим. Я не знаю, что с ним делать. Тяжело. Странно смотреть на белую шерсть, некогда бывшую черной. Приласкать не могу – не дается, называет вражиной, говорит, что я во всем виновата. В клинику не отведешь – заберут на опыты: где это видано – поседевший целиком кот! Нет объяснения для людей.

Вечером приехал Тоха, привез кошку и какие-то успоко-

ительные таблетки. Я не могу сварить зелье: Изя заподозрит неладное, забьется в угол и зашьет себе рот. Бастет хороша в психологии, просто профессор. Я слушаю их разговоры и прячу раскрошенную таблетку в ароматный корм.

Не отказалась бы сама с ней поговорить.

– Ну че, как экзамен? – спрашивает Тоха, аккуратно лущая семечки над тарелкой.

– Бывало лучше.

– Облажалась?

– Угу, пересдам. Только надо подстраховаться.

– Воспоминания мешают?

Я киваю и вижу, что ему тоже мешают, но Баст как-то по возвращении сказала, что Антон – парень крепкий, выдавший виды, так что ему проще. Он переживет в себе и дальше пойдет. Потому его жизнь и не сломала еще: пофигизм вкупе с крепкой психикой.

Изумруд молча слушает Бастет, отвернулся. Сбежал бы, да все заперто. Мне не слышно, о чем речь, только вижу, как он уши повесил. Но она упорная: он снова ест. Нехотя слизал половину, с лекарством. Лишь бы помогло.

– Дай ему валерьянки, как отпустит, есть захочет, – недовольным тоном посоветовал Бальтазар. – И мне тоже дай, что-то аппетита нет.

Номер не прошел, Бальтазар остался с носом, пьяница.

* * *

Давно не говорила с родителями, отделялась сообщениями и фото, ничего не значащими эпизодами с учебы и выдуманными историями о работе. Пришло время позвонить, а то, не ровен час, приедут. Я очень хочу их увидеть, но не могу. Не знаю, выдержу ли пытливый взгляд отца. Он мало говорит, но многое видит, от него не скрыться.

– Как в походе было?

В трубке раздаются звуки чаепития: папа привычно звякает ложкой по краям кружки, размешивая сахар, мама хрустит крекером. Слова почти срываются с языка, колют иглами до онемения. Столько всего рассказать...

– Хорошо, мам, много нового узнала о себе.

Глава 1

Замки из песка

Закат сегодня просто потрясающий. Оттенки лилового, малинового и золотого перемешиваются между собой, образуя новые цвета, и словно стекают с холста великого художника по имени Небо в синюю гладь воды. Из номера открывается шикарный вид на берег и пальмы, о которых я так мечтала. Легкий ветер играет моими волосами, колышет занавески в настежь распахнутых балконных дверях, шуршит листьями, уносит дневной зной. Небольшие волны с тихим плеском накатывают на берег, нежно гладят песок, вот-вот доберутся до хрупких замков-однодневок, подмоют их основания и чуть позже затопят совсем. Не беда, завтра их построят снова, и крепкие башенки вновь гордо возвысятся над берегом, чтобы вечером пасть. С минуты на минуту опустится бархатная карибская ночь, и я долго буду смотреть на звезды, стараясь не думать о плохом, рассматривая отпуск как старт в новую жизнь и наслаждаясь коктейлем.

– Милый, я пришла! – раздался голос под балконом.

Я на секунду закатила глаза, вышла наружу, перегнулась через перила и глянула со второго этажа вниз. Вечерняя гостья не ко мне, как вы догадались. Кошка как кошка, ничего магического. У моего друга их тут целый гарем.

– Привет, – говорю ей.

– Добрый вечер, Яга. А Бальтазар выйдет? – осторожно уточняет дымчатая красotka.

– Нет, он уроки не сделал, – с серьезным видом отвечаю я, стараясь сдерживать смех. Вы бы видели ее морду! Такой напряженной работы мысли я давно ни в чьих глазах не наблюдала.

– Ягуся, не издевайся. – Кот вышел из номера. – Буду поздно, не жди.

Он подмигнул мне, прыгнул вниз, и парочка скрылась из виду. М-да, герой-любовник вернулся. Только сейчас я на всякий случай варю ему зелье: вдруг перерождение обнулило достижения прошлой жизни? У меня есть все основания для таких подозрений – он перестал асинхронно моргать. Вместо этого иногда бормочет во сне. Час от часу не легче! Не кот – ходячая аномалия.

– Он будет не поздно, а рано. Утром. И весь день будет спать.

Изумруд сел рядом со мной.

– Что он говорит? Я не понимаю по-кошачьи. – Летописец появился за небольшим столиком на балконе, откинулся в плетеном кресле и наострил уши.

Почти все в сборе, только Супчик еще спит.

Привет, друзья! Мы в райском уголке, сейчас конец июля, через несколько дней у меня день рождения, и, кажется, я должна многое вам рассказать.

Время после битвы тянулось медленно. Порой казалось, что меня затягивает в зыбучие пески обыденности, где я пытаюсь не уйти с головой в рутину. По правде говоря, важных дел было много, и это оказалось спасением.

Во-первых, я выпросила у летописца записи, поскольку в моей голове все происходящее уложилось отрывочно, а собирать полотно воспоминаний заново я не хотела. Летописец отнекивался, прикрывался правилами, но горячий чай с тортом, вкусный ужин и ласковое обращение творят чудеса. Я его подкупила, и он сдался. Так что обо всем произошедшем вы можете прочесть в моем блоге от его лица. С того рокового момента смерти Бальтазара и до конца битвы.

Летопись событий я перечитывала как книгу, словно все это происходило не со мной. Кто-то другой страдал, не понимал, кричал, плакал и... убивал. Мой разум запер на замок эмоции и ощущения. Страх, ярость, горечь – все закрыто в огромном сейфе, и код от него мне неизвестен. Это хорошо. Можно наврать себе с три короба и дать немного восстановиться, прежде чем признать истину. Я – Баба Яга. Я – страх и ужас Лукоморья, со мной нельзя не считаться. Это власть, а власть опасна. Стараюсь не думать об этом. Природные механизмы психологической самозащиты сработали отлично, благодаря им мне удалось не сломаться после, когда все за-

кончилось и адреналин ушел, когда пришла горечь потерь. Две сущности внутри меня – воительница и дарительница – сохраняют баланс. Я берегу последний дар Ядвиги и обнимаю его руками моего внутреннего «я» – это мой якорь.

Во-вторых, мы привели Изумруда в приемлемый вид. Спустя две недели голодовки он пришел в себя, насколько это возможно, но не скрывал желания уйти от всей нашей компании. «Глядя на вас, я постоянно думаю о Ядвиге», – шипел он. Пока мы сошлись на том, что со временем подыщем ему новый дом, если ничего не изменится. Честно говоря, я не привыкла к неприязни со стороны животных, всегда отлично с ними ладила, а тут... Весь мой опыт работы в приютах оказался бесполезен: я не имела дела с горящими по хозяевам животными. Малодушно жду, когда проблема как-нибудь решится сама.

В-третьих, Тоха. Я волновалась за него: не каждый день тебя заживо сжигает Горыныч! Но друг с головой ушел в работу, не проявлял признаков депрессии и отмахивался от моих расспросов:

– Ян, да в порядке я! Мои части и раньше умирали. Кошки ели, под колесами гибли, Клава вон палец оттяпала. Ну да, все сразу не дохли. Не кипишуй, короче, все норм.

Тоха занял место Казимира. Квартира, бизнес на Апрашке, изготовление метел. Спросите, как? Благодаря своей феноменальной памяти. Бумаги, которые Каз ему перед битвой показывал, непростые были, содержали секреты масте-

ра. Информация сейчас у Тохи в голове, и он сам занимается изготовлением летательных средств. Я опробовала несколько перед отъездом – отличные метлы. Рассказывал мне тут:

– Прикинь, мне кольцо волшебное прислали. Повернул на пальце – и оказываешься в Лукоморье. Письмо ворона принесла, типа я теперь штатный сотрудник, прикрепленный к отделу магических наработок. Бастет говорит, чтобы нос особо не задирали – вернется Казимир, и меня разжалуют, наверное.

А как-то спросил у меня про русалку. Я сначала не поняла, оказалось, про нашу знакомую Селину.

– Как найти ее, знаешь?

– Зачем тебе?

– Ну, это... понравилась.

Вот дела! Я сказала, конечно, мне не жалко. Потом через Баст узнала, что он каждую ночь на ту скалу летает, но пока не встретил острозубую красавицу. Даже не знаю, волноваться мне за его безопасность или нет. Так-то нам о них ничего не известно. Вдруг закусит им или на дно утащит? Не уверена, что наш пернатый маг выживет на дне.

Несколько раз в неделю я навещаю Лукоморье. Изольда встает на свое место среди частокола с черепами. Ее боевые шрамы и подпалины отлично гармонируют с окружением. Оставшиеся лешие привели в порядок место битвы и расширили мой забор с трофеями – выглядит пугающе, и всем ясно, чья территория.

Черномору прислали новобранцев. Каждый вечер он тренирует отряд на побережье. Грустит, конечно, но жить дальше надо.

Думаю навестить богатырей и князя, сказать спасибо лично, да все откладываю, как и кое-что еще – я до сих пор не открыла сундук с наследством от Ядвиги. Частично из-за Изи, частично я трушу, да. Мне кажется, открою сундук – и все станет реальнее. Наверное, я еще на стадии отрицания некоторых вещей, хотя умом все понимаю. Придет время и сундук открыть, и горе принять, но не сейчас. Мне надо набраться сил, чтобы пережить утраты. Про Казимира я тоже стараюсь не думать. Кто бы знал, что буду скучать по этому его протяжному «рыжу-у-уля».

И напоследок: с жизнью своей человеческой я расставаться не хочу. Сессию сдала, родителей навестила, с их домовым мы познакомились (эту историю я расскажу в следующий раз), один раз даже поработала аниматором. Очевидно, ООО «Лукоморье» считает, будто все идет своим чередом. Я им подыгрываю. А тем временем...

* * *

Летописец по имени Тихон ожидал ответа. Имя он себе выбрал сам: нарушать правила – так по полной. Он больше не сидит за дверью, не спит на коврике и ест с нами за одним столом. И никто об этом не знает. Пусть только сунутся ко

мне с претензией, ага!

– Тихон, ничего важного он не сказал, расслабься.

Ну а что: через ад мы прошли вместе – он все время на передовой, храбро делал свою работу, рисковал жизнью, просто стоя рядом со мной. Да и в его записях видно, как он изменился со времени первой встречи. Считаю, что уважение и расположение он заслужил. Я, кстати, честно ему сказала, что мне не повредит помощь в поисках хозяев Лукоморья и он может быть полезен. Словом, интересно складываются отношения. Бальтазар его, правда, не любит, но это не ново.

– Не придумала, куда спрятать ключ старого Кощея? – спросил Тихон, уплетая шоколад. Сладкоежка, каких искать.

– Нет еще. – Я потрогала два Ключа на цепочке и вздохнула: – Моя головная боль. Пока он цел, значит, Казимир, где бы он сейчас ни был, не нашел и не добил владельца.

– Ядвига рассказывала, что Кощеев можно разрубить и сжечь. Были прецеденты, – сказал Изя.

– Не знаю, глядя на Андрея, не скажешь, что его огонь берет. С другой стороны, я не знаю, разрубали ли его на кусочки.

Я перевела слова кота для летописца. Как, оказывается, привыкаешь, когда коты по-человечески говорят...

В общем, дел много в Лукоморье. Горыныч и его потомство, смерть старого Кощея, неисследованная пустошь и начальство, к которому много претензий.

Летописец привычно достал блокнот, записать что-то для отчета, и...

– Исчадие опять сгрыз самописец! – схватился за уши Тихон. Это у него такое своеобразное выражение паники и досады, как у людей – заламывать руки. – Я ему усы подстригу, гаду! Уже четвертый! Мне сложно объяснить, что с ними случается. А-а-а!

Закат догорел и погас, уступив место высокому черному небу с россыпью ярких веснушек-звезд. Люди гуляли, танцевали на пляже, а мне никуда не хотелось, я наслаждалась своим «почти одиночеством». Изя фыркнул и растянулся под столом, Супчик проснулся, слегка погладил меня крылом по щеке и улетел на охоту, Тихон продолжал сокрушаться.

Отдых обещает быть прекрасным.

Глава 2

Пушистый сводник

Насмотревшись чудесных фотографий в стиле «работать удаленно легко», где счастливые люди сидят с ноутбуком на пляже, я отправилась писать заметки на природе. Устроилась на шезлонге под зонтиком, взяла коктейль, Бальтазар упал в тени рядом, высунув язык. Черному коту на пляже несладко приходится, но я его за хвост не тянула – сам пошел.

– Может, ну их, записки твои? – спросил кот. – Давай лучше в Лукоморье наведаемся, вдруг Морока встретим?

– Понравился, смотрию? – отозвалась я, пытаюсь хоть что-то разглядеть на экране. Засвечивало сильно, как ни повернись.

– А тебе как будто нет? Мы бы с ним дел наворотили...

Мне конь тоже понравился. Я мало что замечала в то нелегкое время, но эффектное появление Кощея на огромном скакуне пропустить было сложно. Однако мечтательный тон кота заставил меня напрячься.

– Кощей тебе еще Гуччи не простил, угомонись. Мне не хочется драться с ним за твою шкуру. Давай не надо, а?

Бальтазар вздохнул и умолк. Легкий ветерок принес песок и щедро припорошил клавиатуру, сбоку подкрался какой-то

русскоговорящий малыш и очень мило попросил «кучи мутики», система охлаждения не справлялась, и я поняла: работать на пляже не представляется возможным. В довершение всего нас атаковали дети разных возрастов с понятным желанием «погладить кисю», что вынудило Бальтазара спрятаться под шезлонгом и оттуда жалобно мяучить:

– Ягуся, очень тебя прошу, давай лучше вечером выйдем, когда их не будет!

План красиво сидеть на пляже и вести блог с треском провалился, стучать по клавишам буду только в номере.

* * *

Я обещала рассказать про домового у родителей.

В гости на выходные отправились мы с Бальтазаром, Изя остался дома под присмотром Гомера, Супчик в Убежище прекрасно обходился без нас. Поехали на машине, по пути останавливались в красивых местах и городках. Не скажу, что путешествие на дальнее расстояние меня сильно утомило, но раньше я так долго за рулем не сидела. Интересный опыт.

Родители коту не сильно обрадовались, но он вел себя очень достойно, чем вызывал недоумение.

– Где, говоришь, ты его взяла? В приюте? – Папа внимательно смотрел на прикидывающегося сфинксом кота.

– Нет, пап, я ведь говорила: от прежних хозяев квартиры

достался. Хороший кот, мы с ним дружим, будь поласковой.

– Да я не против, конечно, только странный он какой-то, как будто дрессированный. Спокойный и смотрит как будто все понимает. Кажется, и в беседе хочет участвовать, но не может по-человечески говорить. – Отец подозрительно покосился на моего компаньона, но тут же тряхнул головой, отгоняя бредовые мысли, и сменил тему.

Ох, знал бы ты, папа, как близок к истине! Но в твоём мире такого, конечно же, не может быть.

Вечером Бальтазар на кошачьем бурчал о людях, которым не угодить.

– Может, мне здесь обои подрать, раз я странный? – кот раздраженно дернул ухом и свернулся клубком.

Домового я почувствовала раньше, чем увидела, – наверное, новые силы сказываются. Он появился ближе к ночи, когда родители уже спали. Прошел сквозь входную дверь, что-то напевая себе под нос. Такой же, как Гомер, только одет в однотонные бежевые обои. Действительно, фабрика клонов. Интересно посмотреть на создателя, кому в голову пришло штамповать вспомогательных существ под копирку. Загадка на загадке в этой корпорации. Бальтазар как-то рассказывал о дефиците настоящих домовых и о том, что духи дома, такие, как Гомер, выполняют и их функции тоже. Но это как китайская подделка: с виду то, а на самом деле работает хуже оригинала.

Мы вежливо поздоровались с домовым.

– ЛСР Х202, – представился дух.

Кот прикрыл лапой глаза и покачал головой. Согласна: номера вместо имен очень утомляют. Я хотела с ним поговорить о возможности взять себе имя и выделиться из общей массы, но домовый в итоге оказался такой противный, что я промолчала. Кот тоже.

– Мама ваша, уважаемая Яга, совершенно никудышный садовод. Если бы не я, здесь все растения и дальше погибали бы, – заявило мне это чудо.

Так мы узнали множество фактов о моей семье. Например, со слов домового, все хозяйство только на нем и держится. Он, бедняга, и убирается, и цветы поливает, и вещи складывает, а жильцы – неряхи, каких поискать. По мере повествования его ценность росла как на дрожжах. Бальтазар начал хихикать, я старалась держать лицо, но уголки губ предательски ползли вверх.

– Вас это забавляет? – У ЛСР Х202 даже волосы взъерошились от возмущения.

– Нет, – говорю, – что вы. Это у меня нервный тик.

Дух кивнул и продолжил распинаться. Юмора не понимает вообще. Смотрю, у кота глаза навывкате – задержал дыхание, чтобы не смеяться.

– Вы незаменимы, – согласилась я с домовым. – Без вас тут была бы не квартира, а хлев. Пожалуйста, продолжайте трудиться, мама так счастлива, что у нее цветы растут.

Перед отъездом я решила повидаться с подружками – считай, несколько лет не виделись с тех пор, как я переехала. Свободны оказались две, и мы встретились в кафе. Поскольку с животными внутрь не пускают, устроились за столиком снаружи. Я заказала коту молока.

– Ты с котом приехала? – удивилась Катя. Бальтазар подмигнул ей и погрузил морду в блюдо.

Вера просто покачала головой. Мы болтали о том о сем, но как-то натянуто – сказывалась долгая разлука. Катя работала чуть ли не круглыми сутками, чтобы выделиться в коллективе и расти по карьерной лестнице, а Вера вышла замуж и угнездилась. Дома у нее остался малыш, и периодически разговор съезжал на эту тему.

– А вы когда? – раза три за час спросила она. Катя привычно отшучивалась, я улыбалась и меняла тему.

В конце подружки посоветовали мне найти парня, а то я совсем странной становлюсь.

– Всю жизнь с этими котами возишься, смотри, шутка про сорок кошек может стать правдой! В следующий раз приезжай со своей парой.

Я, конечно, согласилась, и мы распрощались. Думаю, навсегда. Близких подруг у меня и раньше не было, с этими от случая к случаю проводили время. Сейчас между мной

и остальным миром образовалась пропасть, что не перейти по мосту, не переплыть, не перелететь – такая она огромная и такие мы разные. Тянуть в свою жизнь кусочки прошлого, просто чтобы были, как хрусталь в серванте, я не хочу. Парня найти, ага! Ядвига меня предупреждала: «Завести семью с человеком не сможешь: мелькнет вспышкой и исчезнет, как звезда за горизонтом, а ты одна останешься с грузом на душе». Первый мне понравившийся погиб через несколько дней после знакомства, я даже самой себе признаться в этом не успела. Лешка... Я стараюсь не вспоминать. Казимир не человек, Тоха – мой друг, Кощей – ходячее пособие по психиатрии. Сорок кошек – вот мое вероятное будущее. Не то чтобы я сильно переживала по этому поводу...

– Ну что, хозяйка, засядем на сайтах знакомств? Яу помогу кандидатов проверять, а то ты... – Кот с подозрением посмотрел на меня. – Ты когда на свидание ходила последний раз?

– Давно. – Честно говоря, не могу сказать точно, забыла уже. Странно, что всем есть до этого дело.

– Конечно, только туфли выбирать умеешь, а они, между прочим, давно требуют отдельного шкафа.

– И что?

– Как что? Нам нужна жилплощадь побольше. Яу сам буду тебе парня искать. Поверь мне, красотка, яу знаю, кто нам подойдет.

– Не будь таким расчетливым! И кому это – «нам»? Мне

же с ним общаться.

– А яу куда, а суповой набор, Изя, в конце концов? Ты выбираешь, как же. Будет обижать бедных котиков втихаря. Нет уж, я сам.

Посмотрела на умывающегося на переднем сиденье Балтазара и улыбнулась: этого бедного котика обидишь, как же. Голову оторвет и скажет, что так и было. Стало жаль гипотетического парня.

* * *

Жить в отеле с животными, вообще-то, нельзя. Первые несколько дней я прятала своих в Убежище, а потом горничные начали что-то подозревать. Шерсть сыплется явно не с меня – у меня рыжая, а они с недоумением находили белую и черную, цокали языками, заглядывали в поисках животных в самые укромные уголки комнаты. Я с ужасом представила целый месяц подобной мороки и велела горничным не приходить без приглашения. Для убедительности дала денег – они заулыбались, пожали плечами и больше не беспокоили. Убираю сама.

– Так гораздо лучше, хватит наводить ужас на окружающих, – высказался кот, когда я спрятала черные вещи и вернулась к обычному гардеробу и обычному макияжу. – В платье ты похожа на нормальную девушку, и наши шансы найти тебе парня возрастут. К слову, яу присмотрел тебе канди-

дата позавчера, когда на свидание ходил. Считай это своим подарком на день рождения.

Ах вот оно как?! Вспомнил, значит, о своем обещании. Исчадие-сводник, обхохочешься.

– Это когда ты домой пришел, воняя всеми мыслимыми и немыслимыми морепродуктами? – уточнил Изя.

– Если завидуешь – так и скажи, – муркнул Бальтазар. – Ну да, вонял, и что с того? Эта серенькая киса показала мне замечательное место за рестораном, где можно отведать разные деликатесы.

– Помойку, – ухмыльнулся белый. – Называй вещи своими именами.

– Это было экстремальное свидание! – разгорячился мой кот. – Знаешь, сколько морд пришлось разогнать, чтобы спокойно поесть?! Мусорный бак ресторана – злачное место.

– Мог бы сказать мне о своих желаниях, пошли бы на рынок к местным и купили, что хочешь, – удивилась я. Хотя кошачья порода такова: пусть трижды сытый и волшебный, а в мусорку залезть – это у всех генетически заложено, похоже.

– Довольно сложно записывать ваши разговоры, когда я одного кота понимаю, а второго – нет, – посетовал Тихон, посмотрел на блокнот, вздохнул и ничего не написал.

* * *

Бальтазар, похоже, забыл, что собирался искать мне кави-

лера на сайтах, а не в реальности. Ну скажите на милость, какой потенциал у отношений, если мы на курорте, пусть и на месяц? Я ведь вернусь обратно, у меня учеба и важная работа.

– Курортные романы не для меня, – твердо сказала я, едва мы вышли из отеля. Точнее, вышла я, а кот с балкона спустился, чтобы не привлекать внимание.

– Межвидовые связи не для тебя, курортные романы не для тебя, что вообще для тебя? – насупился кот. – Я же не мужа тебе ищу, а приятную компанию. Так с людьми разговаривать разучишься. Вон как Поповича отшила, думал, пришибешь на месте.

– Он был не вовремя и слишком настырный.

Компаньон что-то бурчал про скверный характер и «зато вы окрасом одинаковые». Как будто это важно в отношениях.

Бальтазар привел меня в тату-салон.

– Тебе нужны татуировки на ушах? – Я не верила тому, что слышу.

– Да, – твердо ответил кот.

– Ты в своем уме? Какой мастер согласится на такое? Это жестокое обращение с животными.

– Этот согласится. – Кот прошмыгнул в дверь салона. Не оставалось ничего другого, как последовать за ним.

Звякнул колокольчик над дверью, оповещающая о нашем прибытии. В небольшом салоне пусто, освещение тусклое. Ма-

ленький угловой диван с потертой обивкой, столик с эскизами в папках, на стенах фотографии и рисунки. Дверь в другое помещение чуть приоткрыта, оттуда льется свет, приглушенная музыка и доносится запах дезинфицирующих средств. Мастер вышел к нам. Среднего роста и сложения, сам образец своего искусства – весь в татуировках. Кожа смуглая, но не от загара, а от природы. Внешность латиноамериканская, грубоватая. Такого легко представить в кино, в роли члена преступной группировки. Короткий ежик волос, глаза черные на черном, и это не линзы-склеры. Понятно, почему Бальтазар сказал, что этот согласится: он не был обычным человеком. Мрачная половина души шевельнулась, откликаясь на нечто родственное. Колдун, причем темный.

Мужчина внимательно оглядел нас, удивленно изогнул бровь, а потом вдруг улыбнулся:

– Баба Яга, насколько я помню, – поприветствовал он меня по-английски. – Я Маркус.

– Мы знакомы?

Не помню таких знакомств.

– Виделись на Бельтайне, мельком, нас не представили. Ты изменилась. Прошло всего несколько месяцев, а ты больше не светлая. – Он смотрел все так же внимательно, будто протягивая между нами ниточку родства.

Но и не темная, я – серединка на половинку. Поэтому не надо тянуть ко мне свои ментальные щупальца.

– Случается. – Колдун получил нейтральную улыбку в ответ.

– А я Исчадие, – представился кот. – И мне нужны татуировки.

Маркуса говорящий кот несколько не удивил, он подвинулся в сторону, жестом приглашая нас зайти. Маленький кабинет, атмосферно, чисто, ничего лишнего: кресло, стол, оборудование.

Бальтазар уселся на кресле:

– На ушах.

– Уже знаешь, что хочешь? – Мастер сел напротив, внимательно разглядывая клиента.

– Да. На одном – молния, на другом – метла.

Маркус быстро набросал эскизы. Несколько правок, и кот остался доволен.

– Будет больно, – предупредил мастер. Бальтазар зевнул, совсем не испугавшись. Маркус закрыл салон, опустил жалюзи:

– Не стоит никому сюда заходить, пока вы здесь. Люди такие любопытные, сплетничают.

Следующие несколько часов мы болтали обо всем на свете, мастер делал свое дело, Исчадие иногда шипел от боли. И все было как-то правильно, нормально, что ли, обычный вечер в моей странной жизни. Никаких натянутых диалогов и неловких пауз. Маркус оказался приятным собеседником, несмотря на то, что иногда я долго подбирала слова – ска-

зывалось отсутствие разговорной практики. Бальтазар прав: совсем одичала, закопалась в учебу и сказочную работу, с этим необходимо что-то делать. Так что я совершила недуманный поступок.

* * *

В номер мы вернулись под утро. Изумруд встретил нас неодобрительным взглядом, отвернулся – и дальше спать, Тихон зевнул и скрылся в гардеробе – у него там комнатка, – а мы сели на балконе встречать рассвет.

– Скучал, – пискнул Супчик и уткнулся мне в шею.

Пальцы привычно почесали маленькое тельце. Я чувствовала его скрытую мощь, она покалывала на кончиках пальцев; вспоминала его крылья поддержки, когда силы Лукоморья изменяли меня и он без оглядки нырнул в этот атомный реактор за мной. Посмотрела на свернувшегося клубком Бальтазара. Он уже спал и снова, как каждый день до этого, вздрагивал. Видения его не из приятных, и все, что я могу, – взять его на руки, гладить и говорить, что я рядом, что он жив. Ухо с зарубкой-отметиной дергалось из стороны в сторону, на внутренней его части теперь изображение молнии. И он снова бормочет что-то на неизвестном языке.

Тьма настырно цеплялась за небо, не желая сдавать позиции. С пляжа доносилась музыка, но уже какая-то ленивая – дискотеки затихают до следующей ночи. Нежные лу-

чи утреннего солнца только-только набирают силу, разбавляя абсолютную черноту, но ночь уже отступает под напором светила, растворяется, меняет цвет. Розовый свет нового дня рассыпал искры на морской глади, желтый диск показался над горизонтом. Я поморщилась от неприятных ощущений на лопатке – там красовалась татуировка: кошачья лапа с зажатой в ней молнией.

– С днем рождения, Ягуся, – муркнул кот, приоткрыв один глаз.

Глава 3

Случайное знакомство

– Кощей купил деревню, – будничным тоном сообщил мне Черномор, отвернулся и снова рывкнул на бойцов, чтоб не отлынивали, а то «как девки на ярмарке». Понятия не имею, что это значит, но явно нечто обидное: богатыри принялись колошматить друг друга с удвоенным рвением.

– Кощей... что?

– Деревню Косые Ложки купил.

Я подобрала упавшую от удивления челюсть. В Гниль-ноге мы мелких горынычей встретили, а в Косые Ложки еще не наведывались. Чем примечателен этот населенный пункт и что задумал Бессмертный? Кажется, появился повод проведать и его, и деревню.

Это я удачно заглянула в Лукоморье, буквально с пляжа на пляж, души проводить, работу ведь никто не отменял. После разгрома армии захватчиков начали появляться мои «гости» из местных: души мужчин, женщин, стариков. По пути ко мне их теперь никто не перехватывал и не употреблял вместо еды. Хлопот прибавилось.

Бальтазар перестал кувыркаться в песке и уставился на вятзя:

– А так можно было?

– На кой ему деревня? – в один голос спросили мы.

– А я почему знаю, Баба Яга. Он не шибко-то с людьми общается. – Михаил Юрьевич погладил седую бороду. – Я тут дозоры ставлю, покуда все целы, никто не вылезит.

– Там еще не знают, что войско полегло до последнего рядового, да и Ключа у них нет. Не убейте Казимира, не разобравшись, кто пожаловал, когда он вернется, – попросила я.

Не «если» – когда.

Над головой шелестела крона Дуба, тихо рассказывая какие-то истории. Правда, если бы деревья могли говорить, что бы он поведал? С самого сотворения миров стоит, наверное, и нежным росточком никогда не был. Сгусток энергии, именуемый здесь солнцем, а в сказках – котом, содержит память несметного множества душ. Я только раз прикоснулась к нему, прося о помощи, и едва не лишилась рассудка. Не будь рядом Ядвиги, разделившей со мной напряжение... Не знаю, не думаю, что я бы справилась. Вообще туманные, обрывочные воспоминания: помню, как сквозь тело словно лава текла – так было горячо, от цепи через меня в Ядвигу – и снова в цепь, помню слова, что сами слетали с губ, помню, как часть силы покидала тело и темнело сознание. А потом они ответили – все разом, и так больно стало в ушах и глазах от их ответного «да», жгло, и резало, и просилось наружу, пытаюсь вырваться прочь из моей головы, разорвать оковы плоти и разлететься воплем по миру... Я зажмурилась, отгоняя воспоминания. Надеюсь, никогда больше не придется

обращаться к Источнику. Никогда.

– Да уж не зашибем своего-то. Новобранцам инструкция дана: сначала рога считать, а потом бить, – успокоил Черномор, возвращая меня в настоящее. – Друг ваш, тот, что в голубей обращается, – новый мастер, часто тут появляется, так же говорил. А стоит, бывает, с кошкой своей, на древо смотрит и молчит. Ждет, видать. Потом в море улетает.

– Селину встретить хочет, – сказал кот.

– Русалку, дочь царя морского? – удивился Черномор.

– Бальтазар, не сплетничай! – цыкнула я на компаньона.

Тот лишь хвостом махнул на меня:

– Это не сплетни.

– А что тогда?

– Обмен подробностями.

Витязь покачал головой:

– Она – рыба, он – птица, что за диво. Молодо-зелено, конечно. Они все легкомысленны и взбалмошны, девицы эти, приплывут – и ну парней завлекать. Глаз да глаз нужен. Эх!

Мне Селина не показалась такой глупой. Она другая, возможно, думает не так, как человек, живет не как человек, так что с того? Мы распрощались.

– Бальтазар, мне даже в голову не приходило, что она королевских кровей.

Подумать только, какое неожиданно перспективное знакомство!

– Яу тоже не знал, – кот задумался. – У Морского царя их

тринадцать, говорят.

А у Тохи губа-то не дура: на принцессу замахнулся.

* * *

Деревня Косые Ложки встретила нас полноценным КПП, будто мы между государствами, а не внутри Лукоморья. Настолько разительное отличие от Гниль-ноги, что я даже опешила от неожиданности. Мы припарковали избу в лесу метров за двести до деревни, на всякий случай. Я переоделась в зеленую юбку до пят и самую простую льняную блузку, какую только нашла в магазине, прикрыла свой пугающий глаз густой прядью волос, взяла документы. Надеюсь, намордник на kota здесь не потребуют. Боюсь, так мирно, как в прошлый раз, Бальтазар подобное заявление не спустит – кротости в нем теперь еще меньше, чем было.

Высокий забор из толстых бревен глухой стеной укрывал деревню от посторонних взглядов, за ним явственно слышался шум масштабной стройки. Массивные ворота из грубо отесанных досок для въезда телег закрыты, небольшая дверца для пеших путников – тоже. За забором – сторожевые вышки с лучниками по всему периметру, и нас уже взяли на прицел. Дверца открылась, вышел дюжий мужик в воинском облачении:

– Чего надобно?

– Добрый день. Хотим посетить деревню, купить еду и

кое-какую утварь, – мирно улыбаясь, ответила я. Привратник окинул меня взглядом с головы до ног, двухкомнатного кота – от ушей до хвоста, но документы не попросил.

– Деревня закрыта, никого не впускаем. Отправляйтесь в другую.

– Как так закрыта, где это видано? – не понял Бальтазар. – Что вы там строите?

– Приказ Его Светлости. Секретно.

– Какой такой светлости? – уточнила я, впрочем, догадываясь, о ком речь.

– Князя Андрея Бессмертного.

Второй раз за день поражена до глубины души. Охранник безразлично смотрел на нас бледно-голубыми глазами с красными опухшими веками. От него несло чем-то кислым и костром.

– Кощея?! – выдавила я из себя.

– Он не велит себя так называть. Прощайте, – и охранник потопал обратно.

– Подождите, а он сам здесь?

– Нет, ускакал утром.

Дверца с грохотом закрылась, мы с минуту постояли, притворяясь статуями, переглянулись и давай хохотать, аж до слез.

– Князь Андрей! – ухихикивался кот.

– Его Светлость! – поддакивала я.

– Какой откат по карьерной лестнице: из царя в простые

князью!

Шутки шутками, а с какого перепуга царь пустоши вылез к нам, объявил себя князем и бес знает что творит с деревней? Как это возможно – купить людей вместе с их жильем? Не во времена крепостничества живем. Можно слетать к Соловью, расспросить, но мне неохота. Охрана деревни тоже примечательна: не мужики от сохи, а специально обученные воины. Подозвала ступу, и мы взлетели над Косыми Ложками.

Ничего ужасного, на самом деле, за забором не происходит: народ снует туда-сюда, куда ни кинь взгляд, что-то пилят, строят, кнутами никого не бьют. Как говорится, никогда такого не было, и вот опять – ничего не понятно. Лучники заметили нас, полетели стрелы. Не долетели, но моя темная половина сразу возмутилась:

– Может, парочкой молний их угостить?

– Окстись, безумная! – покосился на меня компаньон. –

Народ чем виноват?

И то правда. Напишу лучше Кощеюшке, расспрошу, как живет, что удумал.

* * *

Два с половиной месяца прошло, как Каз ушел. Черепа его сородичей вокруг Изольды перестали цеплять взгляд. Пейзаж как пейзаж, не хуже других. Подумываю сделать из них

светильники – как в сказке, да пока не знаю, каким образом. Получить знания можно, но для этого необходимо погрузиться в себя, а мой внутренний мир сейчас место не из приятных. Там лабиринт, построенный не мной, где за каждым поворотом – чужие голоса и воспоминания, и в них так легко потеряться. О чем не мог написать летописец просто потому, что не знал: в ночь потери Бальтазара в меня влилось множество чужих жизней. Они похожи на атомные тени людей в Хиросиме: вот здесь был человек, а осталась только тень – память о нем. Эти тени что-то в жизни не успели, не смогли и хотят быть услышанными, но, начав говорить, долго не замолкают. Им только дай повод, покажи, что нуждаешься в знаниях поколений, и они зашепчут наперебой, вначале тихо, затем громче и громче. Расскажут, что такое лукоморское «солнце» и какие слова надо сказать, чтобы попросить помощи, а потом возьмут свою плату – поглотят тебя. В ночь битвы я пыталась слушать только себя, отгоняя эхо чужих, и так яростно била врагов, как будто свет молний мог разогнать древние тени, загнать их в самые дальние углы лабиринта, чтобы сидели и боялись показаться без разрешения. В какой-то момент они меня побороли, словно я раздувалась изнутри под напором силы, кричала от боли, не контролируя себя, пыталась сбросить напряжение, разбивая врагов. Ядвига спасла меня.

Не хочу сойти с ума, как Кощей, но, кажется, в воспоминаниях я слышала тот язык, на котором иногда во сне гово-

рит кот. Риск велик, но так любопытно. Поделилась с Бальтазаром своими мыслями.

– Знаешь, Ягуся, переживешь ты без светящихся черепов, а нет – сделаем их на солнечных батареях, здесь всегда отличная погода. И мои разговоры расшифруем сами, не стоит рисковать.

Из женского черепа, кстати, вышло отличное кашпо. Я его покрыла лаком и сделала подвесным для горшка с кактусом, чтобы не разбился при наших перемещениях.

Доспехи так и лежат кучей в углу, и мои, и кота. Надо бы им сундук купить для хранения. Пальцы как-то сами потянулись к подарку Ядвиги, погладили крышку. Я закрываю глаза и чувствую шероховатость старого дерева, железа, полосами обвивающего крышку, энергию древности... Отдергиваю руку – нет, рано еще открывать.

– Долго вокруг наследства ходить будешь? – без надежды на внятный ответ спросил кот. Я пожалала плечами, он промолчал – другого и не ожидал.

* * *

Чем хорошо иметь Убежище: купил в другой стране сувениров целый чемодан, а в самолет можно не тащить. Склады-ваешь кучкой на бережку, а дома просто открываешь дверь и забираешь. Вот раковины всяких форм и размеров – пара десятков (не спрашивайте зачем, просто хочу), вот изрядное

количество магнитиков, футболок, а вот сундук для доспехов. Мы совершили вылазку на местный рынок, и я купила то, что хотела.

Наверное, с сундуком я все-таки погорячилась.

Слух обо мне разошелся по отелю, добив репутацию «странной постоялицы» до уровня «какая-то сумасшедшая». Ну да, местный носильщик приволок немаленьких размеров сундук в номер на глазах у других жильцов и персонала. Подумаешь. Ну да, вчера ночью я варила снадобье для скорейшего заживления ран – кожу щиплет, все чешется, татуировка заживает. Сработало отлично: как новенькая, уже сегодня можно отправиться на корректировку.

Коротала время до вечера прогулкой по пляжу и созерцанием прекрасных видов, пока все мои спали под кондиционером, изнывая от жары в своих мехах. Ближе к закату написала Кощею. Никакой информации он мне не дал, мол, потом расскажет, как достроит. Договорились как-нибудь встретиться в Лукоморье. Все. Многословным Кощея не назвать. Ой, нет, князя Андрея, конечно.

* * *

Маркус колдовал иглой над моей кожей, корректируя рисунок, и между делом рассказывал о себе. Говорил, что приехал однажды, как я – в отпуск, и остался, открыл свое дело. Вообще его специализация – охранные знаки. Набивает

амулеты, которые не потерять, за этим к нему приезжают со всех концов планеты. Нечасто, конечно, очередь не стоит, но он, как говорится, «широко известен в узких кругах».

– Сначала думал, может, тебе предложить, но, полагаю, оно без надобности. Слышал я о могущественной корпорации, промышляющей среди восточных славян.

– И что слышал?

– Несладко вам приходится, крепко держат, и сценарий жизни написан за вас. Но и бонусы тоже немаленькие. – Мастер замолчал ненадолго, убирая капли крови. – Вот взять твоего фамильяра...

– Мне больше нравится слово «компаньон» или «друг».

– Не важно. Любая ведьма руку отдаст за такого, и, мне кажется, в нем скрыто больше, чем можно увидеть. Он недавно покидал свое тело, чувствую.

– Да, Маркус, он погиб и вернулся. – Больше ничего не скажу, нечего малознакомым колдунам знать подробности.

– Он что-то приволок с той стороны. Будьте аккуратны.

– Эй, яу здесь, вы не забыли, голубки? – щелкнул зубами Бальтазар.

– Спасибо за предостережение, попробуем разобраться, – ответила я, поглядывая на кота. С виду тот же, что был, значит, прорвемся.

– Мы закончили. Думаю, больше корректировать не будем. – Колдун улыбнулся, плеснул жидкости в железную миску и поджег. Моя кровь на бумажных полотенцах вспых-

нула ярко, сильно, татуировщик отступил назад. В его блестящих – черное на черном – глазах отражалось пламя. Я вздрогнула:

– Что ты делаешь?

– Сжигаю твою кровь. Для кого-то это ценный трофей.

– В прошлый раз ты тоже сжег? Не видела. – Насторожилась, но ничего угрожающего не почувствовала. Бальтазар напрягся и выпустил когти.

– Да не переживай, я с кровью не работаю – не мой профиль. Это меры предосторожности. Мало ли кто в мусоре роется.

Новая пицца для размышлений: можно ли на меня воздействовать с помощью магии?

– Возьми визитку, здесь мой номер. Позвони, если захочешь прогуляться, выпить коктейль.

Взяла.

* * *

Мысли о проблемах с котом и магии крови не отпускали меня несколько дней: гуляла, ныряла с аквалангом, нежилась на пляже, но как-то беспокойно. Вот гадаю, испорчен отдых или еще не совсем?

Вечер выдался особенно нежным – знаете, такое тепло, как благодать после жары, без резкого перепада температур. В голову приходит только «освежающее». Странно употреб-

лять это слово в отношении тепла, но так я чувствую.

Исчадие что-то с утра не в духе, просился размять лапы вечером, сходить в прибрежный ресторанчик. Солнце падало в море багровым шаром, свежайшие креветки манили ароматом, кот чавкал со своей тарелки – здесь к нам уже привыкли. Естественно, никто не подозревал, что это мой кот, думали, прибился к туристке, а она, дурочка, его кормит. Все это не важно. Сейчас волны что-то шепчут, рассказывают истории океанов и морей, вспоминают о диковинных животных и затонувших кораблях.

За соседним столиком отец с дочкой. Я уже упоминала, что здесь много наших, эти тоже не исключение. Светловолосая голубоглазая девчушка лет восьми хихикает, играя с куклой, папа смотрит в телефон, ничего необычного. И мы сидим, пока девочка не замечает Бальтазара. Мгновение – и вот она уже за нашим столиком. Показывает мне жестом, мол, можно я поглажу. Я смотрю на кота, он обреченно прижимает уши и вздыхает. Девочка осторожно гладит его по голове.

– Детка, я же просил тебя не трогать чужих животных! – напоминает отец.

– Это мой кот, и он здоров, не переживайте, – как можно спокойнее улыбаюсь я ему. – Вы откуда?

– Из Екатеринбурга.

Мы разговорились. Оказалось, вдовец, выбрался с дочкой развеяться, завтра уже улетают. Побеседовали о мест-

ном сервисе и разошлись, потом смотрю, а куколка девочки осталась на стуле. Тряпичная такая, с глазками-пуговками, самодельная. Девочка расстроится, наверное.

– Найди хозяйку, – говорю коту, и Бальтазар отправился по следу.

Мы лавировали среди туристов и пару минут спустя ее увидели. Она бежала навстречу с испуганным личиком, за ней отец. Схватила девочка куклу, прижала к себе, чуть не плача.

– Спасибо вам, – сердечно поблагодарил отец. – Это ей мама сшила перед смертью, памятная вещь. Пойдем, Василиса, спать пора, завтра тяжелый день.

– Мама звала меня Василиса Прекрасная, – улыбнулась девочка и растворилась вместе с отцом в толпе.

Глава 4

Снежные бабочки

– Тихон, что-нибудь узнал?

Я нависла над малышом-летописцем в ожидании ответа на вопрос: та ли это была Василиса, что в сказке обитает? Да, отправила своего соглядатая на разведку. Шпионские страсти, конечно. А что поделать, если с тобой играют, можно и перевербовать.

– Узнал. – Осведомитель деловито поправил манжеты на чистенькой рубашке и прокашлялся. – Василиса Прекрасная вместе с отцом числятся спящими агентами.

– Это как?

– Это значит, что они стоят за кулисами сцены и ждут своего выхода. Время не пришло, – пояснил Тихон.

– Насколько яу помню, там матушка была очень сильная колдунья, раз смогла такую куколку сделать. По сказке она умерла, а на самом деле? – лениво протянул Бальтазар.

– Я не искал такие записи, – признался летописец. – Не просите сейчас идти – и так чуть не выдал себя, отираясь полдня в картотеке. Отец девочки работает в филиале ООО «Лукоморье», маленькой строительной фирме. Пока это все. Василисе надо повзрослеть, прежде чем сказка повторится.

– Сколько винтиков у машины, – задумчиво сказал Изу-

мруд и окинул нас всех неприязненным взглядом. – Один сломается – другим заменят, и все будет работать как часы.

Конечно, он опять про Ядвигу.

– Ты не один горюешь, кот. Я потеряла подругу.

Стараюсь говорить с ним как можно спокойнее, не хватало снова спровоцировать скандал. Он злится на нее, на самом-то деле, что ушла, не попрощавшись, получается, бросила его. Но ей не выскажешь, остаюсь я во всем виновата. Со мной предшественница тоже не простилась, но я знала, что это конец, когда она отдала свой последний дар. В тот момент пелена безумия упала с моих глаз, время остановилось посреди битвы, я четко видела ее лицо, легкую теплую улыбку с налетом грусти... Она что-то шептала – не помню точно, древние, как мир, слова из глубины своего существа. Я не могла шевельнуться, не могла ей помешать.

Это был ее выбор.

– Изя, хорош, – угрожающе протянул Бальтазар.

Коты зашипели друг на друга, Тихон на всякий случай отошел подальше. Но Изумруд не стал продолжать, он знает, что слабее.

* * *

Сегодня прогуливалась в компании Маркуса.

Присматриваюсь, изучаю человека. У меня мало знакомых в обычном мире, в Лукоморье – не намного больше,

и крайне любопытно, что представляет из себя колдовской мир вне сказки. Ночь Бельтайна не в счет, я тогда ни понять толком ничего не успела, ни познакомиться. Мне казалось, что я там лишняя. Месяцы с момента приема на работу пронеслись бешеным галопом, синдром самозванца не успел пропасть. Каждое утро просыпаюсь с мыслью, что все нереально, будто попала в этот мир по ошибке и в любой момент меня разоблачат. Вот он – колдун иностранный, ответ на вопрос «есть ли жизнь на Марсе», то есть в других странах. Сколько таких еще ходит по миру? Может, не каждая гадалка – шарлатанка, не каждый экстрасенс обманывает доверчивые души, а целители и правда лечат наложением рук.

Бальтазар меня одну не пустил, молча шел рядом, а Супчик прятался на плече под волосами.

– Яга. С тобой, – сказал он перед выходом, и я не стала возражать.

– Жаль, что я здесь маленький, – проворчал кот. Он предпочитал свою крупную форму.

Мои любимые охранники.

Маркус вел ненавязчивую беседу, шумно прихлебывал пиво и, кажется, совершенно не старался мне понравиться. Думаю, велика вероятность, что и меня изучают. Слово за слово, и оказалось, что у него даже вполне человеческая профессия имеется – автомеханик.

– Люблю механизмы, – улыбнулся он. – Собрать своими руками и увидеть, как оно оживает, работает, – это достав-

ляет мне такое же удовольствие, как нанесение татуировок.

Я что-то отвечала, между делом пытаюсь понять, сколько же ему лет. Знаете, такие люди без возраста – на первый взгляд не скажешь, сколько, да и на второй засомневаешься. На самом деле не важно, конечно, спрашивать не стану. Мне самой больше пятисот полагается, если главы корпорации от меня не избавятся раньше. Не представляю, как жить так долго: не надоест ли, не стану ли равнодушным наблюдателем, пресытившимся вообще всем в жизни, и в погоне за ощущениями не переступлю ли черту, как старый Кощей. Думаю, это от человека зависит. Ядвига была нормальной, а какой стану я? Учитывая два совершенно полярных дара во мне – произойти может все что угодно.

За разговорами мы покинули оживленные улочки и попали в нетуристическую часть города. Здесь даже воздух другой: в ветре не чувствуется влаги, только экзотические ароматы фруктов и цветов. Людей вокруг почти нет, эдакий спальный район поздним вечером, по сторонам дороги стоят маленькие уютные домики местных жителей, горят немногочисленные фонари, превращая путь в чередующиеся пятна света и темноты.

– Ягуся, я пробежусь, – сказал кот и умчался, задрвав хвост, в сторону перекрестка, наперерез случайному прохожему. Человек от неожиданности шархнул в сторону, шикнув на кота. Мы с Маркусом остановились в тени, наблюдая. Исчадие развлекался на свой манер в непонятной игре, где

имеется черный кот, перекресток и человек. Очевидно, прохожий оказался крайне суеверным, поскольку решил кота обойти, свернув влево на другую дорогу. Не тут-то было: мой компаньон кинулся туда же, перебежал дорогу туда-обратно и сел посередине пути. Человек остановился, оглянулся, выругался и быстро пошел направо. Кот, конечно же, оказался быстрее. Несчастный прохожий застыл, растерянно озираясь. Путь оставался только назад.

– Странный твой кот, – сказал колдун. – Что он затеял?

– Не знаю, – честно ответила я.

Иногда он делает странные вещи, не удивлюсь, если окажется из серии «я всю жизнь об этом мечтал».

Супчик слетел с моего плеча и приземлился рядом с Балтазаром. Человек издал невнятный звук и попятился в ту сторону, куда изначально собирался идти. Кот великодушно не стал преследовать. Вдали слышались затихающие возмущенные реплики. Я бы на месте этого человека запульнула в кота ботинком.

– Смешно, – пискнулмыш и взлетел, отправляясь на охоту, а кот остался на месте, довольно щурясь.

– Посмотри, Янина, – Маркус указал на него рукой. – Ничего не замечаешь?

Колдун так смешно выговаривает мое имя: вместо «Янина» получается «Джьянина». Исчадие сидел в свете фонаря, кот как кот, ничего необычного.

– Нет.

– Бальтазар, если ты закончил развлекаться, мы идем обратно. Ты с нами? – спросил Маркус.

– Конечно, ты же не думаешь, что яу хозяйку оставлю с тобой наедине? – ответил компаньон и лениво направился к нам.

– Посмотри на его тень, – тихо сказал Маркус.

В свете фонаря я отчетливо видела тень кота сбоку от него. И еще одну – в несколько раз больше, которая тянулась следом. Это что за?..

– Странно, – согласилась, а руки похолодели.

– Как я и говорил – он кого-то привел с той стороны. Если нужна будет помощь, скажи, попробую узнать, что с твоим фамильяром.

Кивнула, настроение испортилось. Маркус все понял, обратно шли молча. Мое внимание привлекли музыка и люди, всполохи огня и аплодисменты – представление фаерщиков в самом разгаре. Люблю огонь, остановились посмотреть. Исчадие сел рядом, постучал хвостом по моей ноге, заглянул в лицо, промяукал:

– Что случилось, Ягуся? Он обидел тебя? Хочешь, яу его съем?

Я покачала головой. Маркус бросил на нас быстрый взгляд, но промолчал. Хорошо, что колдун по-кошачьи не понимает и не знает, что этот котик и правда может съесть, хоть и не в этом мире. Бальтазар, мой Бальтазар...

– Вот еще что: как справитесь с проблемой, приходи на

сеанс, набыю оберег от одержимости, – тихо сказал Маркус пару минут спустя. – Чтобы больше не повторилось.

Мы смотрели, как вращающиеся пои рисуют в воздухе огненные узоры, как смельчаки выпускают огонь изо рта, и мне казалось, что ответ где-то рядом, но я не могу разобрать слов в тихом шепоте ветра. Только гипнотический танец огня и равномерный гул цепей, разрезающих воздух. На это можно смотреть и смотреть, не замечая, как проходит вечность.

* * *

Пользуясь тем, что коты днем никуда не хотят, я отправилась на пляж, чтобы в тени под пальмой спокойно поговорить с Тохой.

– Ян, ну что за дела? Че раньше не позвонила? – завелся друг, когда услышал рассказ про чужую тень и странные разговоры во сне.

– А чем тут поможешь?

– У меня есть Братан, – с неким оттенком гордости ответил парень.

– Кто у тебя есть?

– Монстр мой подкроватный, я ему имя дал, те нравится? Пусть послушает, че там Исчадие бормочет, может, он разберет, – бодро отозвался Тоха. На заднем фоне послышался голос Бастет, строго поправляющей «че» на «что». – Мэл Би привет передает.

– Взаимно. – Привет, как же! Скорее когтистой лапой подзатыльник она передаст, за неправильное произношение. – Братан... Ну ничего вроде звучит, не Мурзиком же его звать.

– Короче, как вернешься, дуй к нам, будем решать проблему. Мы с Баст сейчас тему перетрем, позвоним тебе, если мысли будут. – Глюк немного помолчал. – А я это... снова вижу тени животных и призраков. С тех пор как в Питер приехал, не было, уже отвык. Может, неспроста это, Ян?

Может, и неспроста, но я не чувствую, что должна прямо сейчас вернуться домой, разбираться можно и отсюда. Думаю навестить Ворлиана, он ведь спец по котам. Заодно узнать, есть ли необходимость варить Бальтазару зелье.

– Тоха, может, твой монстр просто послушает, если запишу?

– Ему контакт нужен. В детстве, когда страшный сон снился, я никогда его не досматривал благодаря Братану. Всегда просыпался, а его щупальца на мне были, типа обнимали, он сон забирал, и легко было. А в самых страшных даже слышал его голос, он пел успокаивающую песню. Может, он мне во сне передаст, что с Бальтазаром происходит, хотя я не пробовал такое раньше. – Друг снова замолчал, в динамике раздавался только звук лужанья семечек. Я тоже молчала.

Ноги утопали в мокром песке, теплые волны гладили кожу, подол длинного платья намок и потяжелел от влаги и налипших крупинок. Я всматривалась вдаль, где белели яхты и виднелись разноцветные паруса, до рези в глазах, не мигая.

Песок поглотил ступни и принялся за лодыжки, а я все стояла, все смотрела и отдавала морю свою тревогу.

– Мы справимся, обязательно справимся, главное, что все живы, остальное поправимо, – сказала я и повесила трубку.

* * *

Вечером на семейном совете обсудили план по прояснению нынешней ситуации. Мой кот не знал, что у него две тени, не поверил, решили выйти посмотреть. В лучах закатного солнца тень была только одна.

– Было две, радость моя двухкомнатная, – стояла я на своем. – Буду контролировать.

Странности на странностях. Исчадие повертелся на месте, делая вид, что занят тенью, а на самом деле гонялся за своим хвостом. Судя по выражению морды, его ничто не беспокоило: курортная обстановка настраивает на несерьезный лад.

– Тихон, можешь передать директору Ворлиану, что мне поговорить с ним надо?

Летописец кивнул и исчез.

Спросила у компаньона по поводу развлечений на перекрестке. Почти угадала его мотивы.

– Так положено, нас в Академии учили: «У черного кота множество обязанностей, одна из них – пугать суеверных людей», – продекламировал он важным тоном, очевидно пародируя учителя. – При каждом удобном случае.

Ночью записывала абракадабру, которую несет во сне кот, на диктофон и буквами в блокнот. Все равно ничего не понятно. Сидела остаток ночи за книгами, все искала хоть что-то похожее на нашу ситуацию, нашла только упоминание одержимости. Книги из доставшейся мне библиотеки принадлежат Лукоморью, где Баба Яга не занимается сущностями и их изгнанием – не та специализация. На рассвете захлопнула последний тяжелый том с желтыми потрепанными страницами и металлическими уголками на обложке. За эти часы стало понятно только одно: когда заканчивается логика, начинаются ритуалы.

* * *

Спать не легла, отправилась гулять по еще пустому пляжу. Солнце только вставало, прохладный воздух заставлял ежиться, но я упорно шла сама не зная куда, как будто надо было идти. Холодный песок и холодная вода совершенно не взбудрили, и я села под пальмой, устало прислонившись к стволу. На секунду закрыла глаза, а когда открыла, очутилась в Лукоморье, под Дубом. Напротив меня сидела девушка с длинными темно-русыми косами, стелющимися по земле, и в сарафане, на котором распускались цветы. Подол на моих глазах обрастал бутонами, и они раскрывались. Вокруг кружились снежинки, при ближайшем рассмотрении оказавшиеся бабочками с прозрачными голубоватыми крылышками,

они порхали, оставляя в воздухе крошечные кристаллы светящейся пыли. Какие красивые, подумала я, а потом увидела медуз, тоже в воздухе. Ну все, точно сплю, уснула под пальмой.

– Здравствуй, – улыбнулась девушка.

– Здравствуй, – ответила я.

И стало так просто, будто я всю жизнь ее знаю, словно подругу встретила. Не было неловкости в разговоре, не было сомнений, что тебя не поймут.

Мы долго сидели среди корней Дуба, она спрашивала, как я поживаю, что нового, а я рассказывала о жизни, о радостях и потерях, о друзьях, по кому скучаю, о чем беспокоюсь. С каждым словом становилось все легче, и мы уже смеялись над шутками, а вокруг летали снежные бабочки.

– Пора, – сказала девушка с косами, но я не огорчилась: была уверена, что мы встретимся снова.

– Когда? – спросила я.

– Когда будет нужно, – ответила она. Ее образ растворялся, последними исчезли лукавые мудрые глаза. Я точно ее знаю, я...

Я проснулась.

Пляж все так же пустынен, хотя мне казалось, что прошло несколько часов. Наши диалоги стирались в памяти, будто песчинки уносило ветром, даже ее образ нечеткий, но мне было хорошо. Сегодня произошло что-то прекрасное и произойдет снова, знаю. Какая-то легкость поселилась в душе,

плечи расправились и захотелось лететь.

Глава 5

Голос из Нави

Изольда неспешно переставляла лапы по зеленому полю, приминая ромашки и прочую красоту летнего луга, – в этот раз здесь сезон лето-лето, наверное, переключается с временами года в обычном мире. Мы приближались к ограде высшего учебного заведения для котов и летописцев. Посуда уже не звенит, лишь глухо постукивает друг о друга крепкими бамбуковыми боками. Все бьющееся я заменила – после битвы чудом уцелел только старый глиняный кувшин с маковым молоком для последней трапезы да пара кружек, остальное вымела за порог в виде осколков. Гости в тот день ели и пили из сильно побитой посуды, но, что характерно, промолчали.

Я привыкла к качке в избе, как будто всю жизнь только так и передвигалась, окончательно свыклась со своим необычным зрением, даже в родном мире чувствую себя без него немного странно. Тем не менее совершенно не уверена, что ворота Академии перед победившей врагов Ягой вот так за просто откроются.

Дворцовый комплекс за оградой и обширным парком впечатлял. В прошлый раз мы здесь были, скажем так, нелегально, а компаньон вообще вынес на себе собственность Акаде-

мии. Супчика мы сейчас с собой не взяли, оставили в Убежище. Он там носится и пищит от возмущения. Даже с его скудным словарным запасом мы в красках поняли, что он думает об Академии вообще и о возможности снова там появиться – в частности. Маленький да удаленький наш крылатый боец. Изумруд тоже отказался, так что греет бока на травке под солнышком. В моем Убежище хорошая погода.

– Друг мой, ты возвращаешься в родные пенаты. Как себя чувствуешь? – покосилась я на кота.

– Прекрасно себя чувствую, хозяйка! – Кот возбужденно бил по металлическим бокам толстым хвостом. Вырядился в доспехи, как на парад, со словами: «Что я, зря помирал?» И меня подбивал, но я не хочу. Пафос какой-то невыносимый. Мне нечего доказывать в этих стенах, я за помощью пришла, а не с официальным визитом, и одета буднично: джинсы, ботинки и футболка с черепом, моя любимая. Думаю заказать рисунок с рогатыми черепами – правдивее будет. А Исчадие пусть хвастается, это его право, да и есть чем, на самом-то деле.

– Ждешь не дождешься всем показать, как ты хорош и как сильны твои лапищи? – я почесала его между ушами.

Удивительное дело – татуировки изменялись пропорционально любой его форме. На одном ухе молния, на другом – метла, такие четкие, прорисованные.

– Конечно! Яу теперь лучший выпускник, пусть знают, кого выучили. Шлем мне надень.

– Слушаюсь, ваше котейшество, – поклонилась и нахлобучила ему защиту по самые усы.

Изольда остановилась перед большими, почти вровень с избой, стальными воротами. На мой взгляд, они выбиваются из общей картины, где фигурные столбы, облицованные желтым декоративным кирпичом, и металлические звенья решетки из кованого железа с крупным растительным орнаментом. Ну, хозяин – барин. Перед путешествием немножко поговорила с Бальтазаром про Академию, он рассказал, что снаружи оно – как главное здание версальского комплекса, а внутри практически ничем его не напоминает, только зеркальная галерея точь-в-точь. Поверила коту на слово, поскольку во Франции не бывала, только на картинках в сети рассматривала эту красоту. Однажды буду в толпе туристов и с фотоаппаратом, тогда и сравню.

Высокие ели за забором зашатались – это лешие-охранники прибыли к воротам. Здоровые, больше моих подручных. Интересно, эти тоже мне подчиняются?

– Даже не думай, хозяйуйка, – прочел мои мысли кот. – Это не твои ручные егеря, хотя я знаю, чем их можно подкупить.

– И чем же?

– Сладкое и спиртное.

– Так что ж ты мне не рассказал это, когда мы с Бююрчи бодались? – возмутилась я.

– Так ты справилась, как следует хозяйуйке лесов, они силу уважают, – фыркнул кот. – Продукты еще переводить на

них! Была у нас тут история с лешими, откупались от них провизией. Шантажисты вонючие.

Хотела узнать подробности, но егеря распахнули ворота и вышли к нам. Уф! Вот это гиганты, старые и недоброжелательные. Узловатые ветви рук, неправильной формы лужицы красных неоновых глаз, мощные стволы-тела. И – сногсшибающий аромат, от которого пропало желание дышать.

– Кто такая? – донесся шелест.

– Баба Яга с визитом к директору Ворлиану, мне назначено! – крикнула я в ответ.

– Транспорт оставь, нельзя топтать парк, – приказным тоном.

Вот пни трухлявые невежливые!

БТР Изольда возмущенно хлопнула створками окон, но все же опустилась вниз и улеглась. Не знаю, как дом может выказывать эмоции, но четко чувствовала ее «не очень-то и хотелось» буквально от каждой досточки. Пешком топтать через обширный парк я не собиралась, потому полетела на ступе. Исчадие мерцал то там, то сям далеко впереди, а я не торопилась, разглядывая местность. Тут тебе и фигурно выстриженные кусты, и лабиринт из живых растений, и фонтаны. Фонтаны, кстати, как на картинках: трехъярусные и с обилием фигур, самый большой бил очень высоко. Не могу похвастаться знаниями о достопримечательности, в которой сама не бывала, но и правда похоже на фонтаны Версаля. Отдельно стоит небольшой домик нежно-розового цвета,

почему-то с решетками на окнах.

Мы прибыли к парадному входу, в дворик п-образной формы, выложенный черно-белой мраморной плиткой. В дверях нас поджидал директор собственной персоной. Не смогла сдержать улыбку: директор директором, но для меня это добрый дядя Миша, хоть как его назови. Смотрю на него и слышу, как шуршит метла по асфальту.

– Янина, Бальтазар, добро пожаловать! – поприветствовал нас Ворлиан и махнул рукой в приглашающем жесте. Оставила ступу, бок о бок с компаньоном переступила порог и замерла с открытым ртом, глядя на зал с теряющимся в вышине потолком и беломраморной лестницей, что расходится в стороны двумя широкими красивыми крыльями и вновь соединяется у верхней площадки. Белый мрамор перил, серый мрамор ступеней, роскошная позолота гипсовой лепнины – все вызывает восхищение. На верхней площадке – монолитные колонны из серого камня, наверняка тоже мрамор, а между ними – статуи котов. Красиво, элегантно, светло. По такой лестнице хорошо подниматься в легких туфельках и платье с кринолином. Я опустила взгляд на свои тяжелые и не слишком чистые ботинки, джинсы с дизайнерским рваньем. Стало неловко.

– Пройдемте в мой кабинет, потолкуем, – улыбнулся директор. – Потом можно организовать экскурсию, гости у нас бывают нечасто. А Бальтазар давно ко мне на ковер не попадал. Дорогу хоть помнишь?

– Яу думаю, что вы по мне скучаете, директор.

Компаньон добродушно оскалил клыки, Ворлиан улыбнулся.

Мы поднимались по парадной лестнице вслед за директором, я видела людей в синей униформе, видела котов и слышала разговоры:

– Это он?

– Да, тот самый 645-в, Исчадие.

– Какой огромный!

Бальтазар тихо ступал массивными лапами по ковровой дорожке лестницы и делал вид, что ничего не слышит. Но его выдавал гордо задранный трубой хвост и подергивание усов.

– Тебя обсуждают, – шепнула я компаньону.

– Ну что поделатъ, яу легенда, – скромно потупил глаза кот.

– А это Баба Яга, – шептали другие. – Такая же, как на фотографии.

Директор бодро, несмотря на довольно грузное тело, поднимался все выше по ступеням, по пути рассказывая какую-то ерунду про урожай в местной деревне. Потом мы свернули в коридор. Я была благодарна за пустую беседу, когда можно просто кивать и угукать. Мое внимание поглотили интерьеры, портреты людей и котов на стенах, изысканная мебель, вазы, зеркала, старинное оружие. В коридоре свой неповторимый музейный запах, но не древности и разрухи, как в Музее магии у кикиморы Марфы Видогостовны, а та-

кой благородный, выдержанный временем. Надо бы все же вернуться в тот музей и пополнить коллекцию, взглянуть на все экспонаты новым взглядом. От Ядвиги ступа осталась, пару метел можно подарить. Надеюсь, они больше никому не понадобятся.

Запертые двери комнат разжигали любопытство, хотелось открывать и заглядывать. Доспехи Бальтазара негромко лязгали, добавляя атмосферы происходящему. Можно пофантазировать на тему придворной дамы и ее охраны. Я не сдержалась и хихикнула себе под нос. Ворлиан оглянулся с недоумением, кот промолчал, только ухом повел.

– Ну вот мы и пришли! – директор распахнул одну из дверей. – Проходите.

В кабинете жарко натоплено, что странно для лета. Интерьер выдержан в том же стиле, что и коридор: лепнина, резные деревянные элементы, в одном углу блестящие доспехи не скажу какой страны и эпохи – не разбираюсь, красивые. Мебель вся округлых форм, обита бордовым бархатом, на мой взгляд, очень помпезно, но мы ведь во дворце. Массивный лакированный стол директора – словно центр тяжести всего кабинета. Я села на стул, кот устроился рядом. Директор подбросил в камин еще дров и потер руки у огня.

– Постоянно мерзну, – пояснил он, как будто извиняясь. – Итак, что привело вас ко мне, какая проблема?

– Дядь Миш, – начала я и прикусила язык. – Тьфу ты, Ворлиан, здесь можно говорить открыто, нас не подслушивают?

– Нет, сейчас все хорошо, приказ о невмешательстве давно отозвали, помогать тебе запрета нет, Янина.

– Отлично. У нас проблема. Бальтазар разговаривает во сне на неизвестном языке. – Я достала из кармана блокнотик с записями и подтолкнула его по столу к сидящему напротив директору. – Как смогла, записала. Также записала на телефон, дам послушать. А еще познакомилась с одним колдуном на отдыхе, он говорит, мой друг притащил что-то с той стороны. Мол, вернулся ко мне с пришельцем, и у него две тени.

– У пришельца?

– Да нет же, у Бальтазара.

Директор уткнулся в мои записи, поскреб в затылке:

– Честно говоря, не знаю, не встречал такого, хотя как будто в этом есть некий смысл.

Я включила запись. Мы внимательно слушали кошачью тарабарщину, непонимающе глядя друг на друга. Все ясно, директор тоже не знает. В подтверждение моих мыслей он развел руками. Бальтазар вздохнул и тоскливо уставился на пламя.

– Думаю, нам нужна подмога. – Директор позвонил в колокольчик, дверь открылась, и вошел человек в униформе. – Пригласите учителей, пожалуйста.

Человек кивнул и исчез.

– Может, снимешь доспехи, Бальтазар? На тебя здесь никто не нападет, – шепнула я коту, но он согласился расстать-

ся только со шлемом.

Было очень жарко, хотелось на воздух и воды. Не знаю, что такое с директором: на улице лето, а у него камин всю работу. Уф... Словно прочитав мои мысли, появился человек со столиком на колесиках. Вода, фрукты, сырое мясо в большой миске. Я скромно отщипывала виноградины, пока кот с аппетитом чавкал и облизывался.

– Янина, ты ведь не торопишься?

– Нет, у меня отпуск, а что такое?

– Задержитесь ненадолго. Если собирать совет, то это займет время. Предлагаю переночевать здесь, может, окрестности посмотреть. Сейчас новых студентов нет, людской учительский состав разъехался, только коты да персонал.

Коты и окрестности – это, конечно, заманчиво, но меня давно интересует еще один вопрос:

– Может, подскажите, где мне найти Ялию?

– Зачем она тебе? – удивился директор.

– Есть вопросы. И потом, она же провидица, разве нет?

Может, знает уже, что происходит.

– Ялию нельзя найти, она приходит сама. Не любит людей.

– Как же вы общаетесь?

– Очень редко. Она сваливается как снег на голову и исчезает, не прощаясь. Такая она, – развел руками Ворлиан. – Если увижу, обязательно передам, что ты ее ищешь.

Двери распахнулись, прерывая нашу неплодотворную беседу, вошли четверо черных котов. Бальтазар приветственно

мякнул, махнул хвостом:

– Ягуся, позволь представить – мои учителя: Сотня, Двести Пятая, Восьмая и Двадцать Второй.

– Здравствуйте, – кивнула я, с любопытством разглядывая животных. Так вот кто воспитывал моего компаньона!

Две кошки, два кота. Как описать черных котов, которых ты впервые видишь? Спокойные, полные достоинства создания. Восьмая – самая пушистая, Сотня – крупный, мускулистый, с короткой лоснящейся, будто шелковой шерстью. Двое других никак не выделяются, просто черные коты. Это я про своего могу три книги написать да про Бастет одну добавить, а про незнакомых сложно сказать что-либо определенное.

Долгая беседа произошла у нас, вернее между учителями и выпускником, я просто слушала. Они рассматривали Бальтазара, его доспехи, уточняли подробности потери жизни, спрашивали, не забывает ли он выполнять свои обязанности по отношению ко мне или только бездельничает. Вступилась за друга, уверила, что он молодец, всегда рядом с мудрым советом.

– А еще я недавно человека по перекрестку гонял, как вы учили! – гордо заявил кот и принялся описывать тот случай.

Примерно час спустя мы наконец перешли к делу, с которым пришли. Наставники поочередно заглянули в блокнот с записями и покачали головами. Нет, ничего знакомого не чувствуется. Поставили Бальтазара у окна, тени посмотреть,

только одну увидели.

– Было две. – Я знаю, что видела.

– Давай в свою обычную форму, – попросил Сотня.

Бальтазар скрипнул зубами, но уменьшился, прошелся в солнечном свете по кабинету туда-сюда – ничего нет.

– Давайте сделаем иначе. Ночью послушаем, что он говорит, а я еще старшего летописца вызову, – резюмировал директор.

На том и порешили. Будем ждать ночи, авось и тень появится, и снова говорить начнет.

* * *

– Яга, ты чего, взбесилась? – Бальтазар выразительно посмотрел на кучу металлолома поодаль от нас.

– Это я от неожиданности, чесслово, кот!

На самом деле не люблю музеи, дворцы и торговые центры. Кажется, что они энергию высасывают: заходишь и чувствуешь себя ничтожной букашкой в огромном помещении, что-то давит на плечи, будто пространство между тобой и потолком плотное, заставляет сутулиться и едва переставлять ноги. От этой тяжести быстро устаешь, хочется присесть, отдохнуть. Вот я и присела на какую-то скамеечку в коридоре. Да так, что пошатнула очередные доспехи рядом, они угрожающе наклонились в мою сторону, а я инстинктивно махнула рукой. Они улетели в стену напротив и сильно помя-

лись. Неловко вышло.

– Кошмар, пришла в гости, – вздохнула, осмотрела и слегка пнула злосчастный экспонат. – Что делать теперь? Их только к кузнецу нести выправлять.

Между нами говоря, есть ощущение, что сил у меня прибавилось. Я давненько ничего не отправляла в полет таким способом. Помню, как первый раз летописца за порог вышвырнула, потом боялась руками размахивать и пальцем тыкать в людей. Больше не боюсь.

– Да успокойся ты, покраснела как помидор, – снисходительно хмыкнул компаньон. Ему легко говорить, он, можно сказать, у себя дома, а я как будто разбила тарелку в гостях. Щеки и уши горят от смущения.

– Давай назовем швыряние предметов стилем Яги? Ну как в кунг-фу – Пьяная обезьяна. И молнии обзовем «гнев из ступы», – не унимался кот. – А у меня будет «могучий коготь», и «великая лапа», и «смертельный рык».

Остапа понесло, как говорится. Он смотрел на свою лапу и выпускал по когтю, считая свои способности, как люди пальцы загибают, а я морщилась, глядя на кучу железа.

– Ничего страшного, – шепнул за плечом невидимый летописец. – На шум уже торопится персонал.

И правда, в другом конце коридора со стороны лестницы появились люди. Я приготовилась оправдываться, но они молча подхватили покореженные доспехи и так же молча скрылись.

– Исчадие, – позвал незнакомый голос. Мы обернулись.

В нашу сторону медленно шел черный меховой котел на лапах. Ой, нет, это же кот! Мамочки, я таких толстых никогда не видела, а ведь повидала многих. Брюхо волочится по полу, из-под него едва виднеются лапы, морда шире моего лица. Как он вообще способен двигаться?

– Обжора? – удивился Бальтазар и побежал навстречу. Они снюхались. – Как... почему ты здесь? Я думал, уже никого не осталось.

– Меня еще никто не взял и вряд ли возьмет, – признался кот. – Да я и не хочу. Представишь меня своей спутнице?

– Спутнице, пф-ф, – гордо задрал нос Исчадие. – Это моя Баба Яга! Ягуся, это Обжора.

– Приятно познакомиться, – улыбнулась я.

Какое меткое имя у кота, иначе не скажешь, разве что – Колобок.

– Я как услышал, что ты здесь, – ушам своим не поверил. Ты – легенда. Убитый и воскресший. Расскажите, как дело было? – сделал умоляющие глазки кот. – А доспехи покажешь? Ну пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!

Пришлось возвращаться в выделенную нам комнату. Исчадие с напускным равнодушием демонстрировал свои способности: размеры, мерцание, попросил помочь облачиться в доспехи и устроил дефиле, между делом рассказывая, как отрывал бесам конечности, с особой улыбкой и подробно смакуя детали стычки с вражеским военачальником. Полу-

чился целый боевик, хотя все действие заняло минуту. Мой преданный хвастунишка!

– Да ты что, прямо в рожу вцепился? Глаз ему выцарапал?

Я наблюдала за Обжорой: тот сидел на полу, растекшийся, будто огромная клякса на светлом дереве, рот открыт и только кивает, как китайский болванчик. Такое неприкрытое восхищение в его глазах, удивительно. Даже когда мой компаньон чуть позже начал его стыдить за лишний вес словами «Ты совсем распустился, когда я ушел! Возьми себя в лапы, ты же ходить скоро не сможешь», он только кивал и смотрел снизу вверх на своего громадного друга. Улучив момент в их бесконечном диалоге, я спросила, какой способностью владеет этот котел на лапках. Оказалось, он может проглотить что угодно, хоть вместе с упаковкой, и потом вернуть миру в том же самом виде. Потрясающе!

– Знаешь, Исчадие, здесь все горевали, когда пришли вести от вашего летописца. Но директор говорил, что не все потеряно, что есть надежда, – Обжора склонил голову. – Я горжусь тем, что учился с тобой. Спасибо, что спасли наши шкуры.

У меня защипало в носу. Да уж, наняться аниматором и спасти мир – это не то, чего ты ожидал от жизни.

* * *

Обед из морепродуктов поражал изысканностью и разно-

образием. На столах – с десятков видов рыб, столько же вариантов приготовления, сладкое – горками на блюдцах, фрукты для меня и директора, кувшины с молоком и лимонад. Кроме нас, в столовой никого не было: работники все в той же синей униформе накрыли столы и скрылись из виду. Ворлиан, противно шкрябая по тарелке ножом и вилкой, ел быстро, как будто торопился, коты-учителя степенно подцепляли когтями кусочки еды и ели с лап. Я хотела сказать Тихону, чтобы присоединился, но вовремя прикусила язык. Степень нашего сотрудничества не стоит афишировать, к тому же он нарушает все свои уставы, кто знает, что может случиться. В политике ООО «Лукоморье» я пока совсем не разбираюсь, но то, что уже видела, к лояльности совсем не располагает. Положила на салфетку пирожные для летописца – заберу в комнату. Бальтазар покосился одним глазом на мои манипуляции и, чавкая, спросил:

– А мощно поззе нам ишо принефти? Яу мнофо ем.

И подвинул к себе новую порцию рыбы.

– Конечно, – ответил директор. – Не переживай, голодным спать не ляжешь.

– Ворлиан, а что вы можете сказать по поводу новой жизни Бальтазара? Пропали ли «достижения» прошлой, например, неспособность иметь детей? – озадачила я директора. – И он больше не моргает так странно, ну, вы знаете, – поочередно.

Ворлиан вытер губы салфеткой, раздумывая, учителя на-

вострили уши.

– Надо проверить, – и без предупреждения выдернул с кошачьего бока клочок шерсти.

– Ау-у-у! – взвыл компаньон. Сотня хмыкнул в усы, подмигнул другим учителям, Обжора хихикнул. Не могу понять, чего он такой толстый: по сравнению с другими, очень мало ест. Хотя, конечно, хорошего кота должно быть много, это аксиома.

* * *

Пока директор с учителями колдовали над кошачьей шерстью где-то в лаборатории, мы отдыхали. Бальтазар пытался подбить друга на какие-то тренировки, впрочем, не очень активно:

– Может, пойдем разомнемся?

– Я уже, – лениво ответил Обжора, слегка приоткрыв один глаз.

– Ты лежишь брюхом кверху!

– Это йога. Поза называется «дрыхасана», попробуй.

Практиковать йогу Бальтазар не пожелал, так что мы вдвоем направились осматривать окрестности.

– Тут есть старое кладбище. Тебе должно понравиться.

– С чего это вдруг? – удивилась я, планируя в ступе следом за котом. – Я как-то не люблю кладбища.

– Да? Странно для проводника душ.

Окружающая обстановка совершенно не располагала к подобной теме: солнце светит, птицы поют, кузнечики стрекочут, бабочки порхают. Толстый мохнатый шмель на полной скорости врезался мне в лоб.

Кладбище случилось как-то неожиданно. Вот было поле, а вот я понимаю, что под ступой – остатки надгробий и чем дальше, тем их больше. Никакой ограды, обозначающей границы территории, и в помине не было, какой-либо симметрии и порядка также не наблюдалось. Захоронения располагались хаотично. Сбавила скорость, кот тоже угомонился и тихонько ступал своими лапищами по зеленой сочной траве. Чтобы разобрать имена, надо потрудиться: на выщербленных ветрами и дождями камнях едва заметны какие-то надписи, да и те скрыты мхом. Относительно ровная земля разбавлялась холмами неправильной формы. Ключ-от-всех-миров похолодел и потяжелел, потянул вниз, будто камень на шее.

Кое-где торчали одиночные деревья, похожие на выживших в некоем катаклизме. Почти мертвые, со скудными листьями, отвалившейся местами корой и горбами-наростами на стволах. На ветвях, ссутулившись, притаились вороны. Здесь не порхали бабочки, не стрекотали кузнечики и даже воронье не каркало. Тишина. Заросшие холмы при ближайшем рассмотрении оказались провалившимися склепами.

– В них летучие мыши спяут, – тихо сказал Бальтазар. – Здесь их иногда отлавливают для нужд Академии.

Не будем тревожить их сон.

– Тут покоятся колдуны и чародеи, чьи имена уже забыты.

– А чем была раньше эта территория, весь этот лукоморский тупик? – Я говорила тихо, но в мертвом покое старого кладбища даже шепот казался вульгарным.

– Никто не помнит, был ли раньше в этом месте город, с тех пор не осталось ни одной живой души, которая могла бы рассказать.

Запах тлена давно покинул эти места, а горечь, тяжесть забвения остались до сих пор. Поймала себя на том, что зубы начали клцать от холода, а в груди будто застрял осколок льда. Вытащила Ключи наружу. Кошечев никак не реагировал, а мой покрылся инеем. В закоулках сознания зашумели голоса: чужие жизни шептали, волновались, перебывали друг друга. Персональная базарная площадь у меня в голове – со всех сторон говорят, и тонешь в этой чавкающей, кашляющей, сопящей болтовне, и не понимаешь ничего, потому что мозг не успевает обрабатывать информацию. Я не могла пошевелиться, Ключ тянул все ниже, шея онемела, руки покалывало, в глазах потемнело. Кто бы ни был здесь похоронен, они пытались вытянуть мою энергию. Не выйдет, фигурки! Моя темная половина встрепенулась, пробуждаясь ото сна, приоткрыла глаза, оскалилась черной пастью. Еще минута – и налетит буря...

– Живая... Дай... Непорядок... – прорвались сквозь бе-

лый шум голоса. – Неправильная...

Каким-то уголком сознания я понимала, что ступа начала перемещаться рывками. Холод медленно отступал, ко мне возвращалось четкое зрение, чувство тяжести пропало, гул в голове затихал. Мрак во мне лениво захлопнул бездонную пасть и снова задремал. Не сегодня.

– Ягуся! – встревоженный голос кота пробился сквозь онемение.

Бальтазар, упираясь своей большой головой в ступу, выталкивал ее с территории кладбища.

– Я в порядке, – смогла произнести я, когда мы значительно отделились от этого мрачного места. Дрожащей рукой открыла дверцу и буквально выпала в высокую траву, на ковер из клевера и ромашек. Какое яркое небо, какой теплый день, какие ароматы и замечательная жизнь!

Какая неправильная живая я.

Мокрый нос ткнулся мне в щеку:

– Хозяюшка, что случилось? На тебе лица нет. Ты как окаменела там.

– Я неправильная. Я проводник душ – и живая, а должна быть как Кощей. – В горле пересохло, говорить тяжело. – И они пытались забрать мою энергию.

– Покойники?

– Да. Не знаю, что за колдуньи и колдуны там лежат, но они, похоже, даже после смерти не угомонились. Их души там почему-то.

Бальтазар лег рядом, положил тяжелую голову на плечо, защекотал усами:

– Прости, Ягуся, яу не знал, что так случится.

А я смотрела в ослепительно-синее небо и понимала, что сколько веревочке ни виться, а конец один – однажды я умру. Через семьдесят лет или сегодня – это зависит не от меня. Конечно, все умрут, но для меня смерти как таковой быть не должно, просто перейду на следующий уровень бытия Бабы Яги. И, похоже, Лукоморье всеми средствами будет пытаться ускорить это событие.

– Никому не рассказывай, что здесь случилось, – попросила я кота. – Нужно понять, как использовать это место в своих целях и как справляться с буйными покойниками. А может, вообще сюда не приходить.

– Твоя сила велика, хозяйюка, но, наверное, ты еще не совсем в образе, раз древние так вцепились в тебя, – задумчиво протянул компаньон. – Кем бы они ни были, они правы. Ты должна быть наполовину жива, наполовину нет, костяная нога.

Какие радужные перспективы, однако. Желание осматривать окрестности пропало начисто, мы вернулись в Академию, стали ждать ночи и нового испытания. На минутку заглянул Ворлиан с новостями: Бальтазар может иметь потомство, варите зелье, если не хотите детей. Ну ладно, на фоне всего остального это даже не проблема, хотя кот моего равнодушия не разделил. Тихон молча уплетал пирожные и

скрипел самописцем, записывая события в очередной пухлый блокнот.

* * *

Бальтазар спал у камина, его усы и лапы подергивались. Учителя и старший летописец (один в один как мой, только более сдержанный и при галстукe) молча ждали развития событий. За прошедший час никто не произнес ни слова, в кабинете царили гнетущее молчание и треск дров. От нехватки кислорода начало клонить в сон и меня, как вдруг:

– Аз тьяведирт лемез в мотяседирт евтсрац тсе йынелез дас. В мот удас тсе ациньлем. Амас телем, амас теев и лып ан отс тсрев течем. Елзов ыциньлем йотолоз блотс тиотс, ан мен яатолоз актелк тисив...

Все подались вперед, жадно вслушиваясь и записывая. Я дотронулась до Бальтазара, чтобы погладить, и кабинет исчез. Я смотрела чужими глазами на чахлые деревья, серые, обточенные ветрами скалы, меняющие очертания в плотном, как будто ядовитом тумане. Тяжелое небо с невероятно огромной и тусклой луной, похожей на светильник с умирающей батареей – едва-едва, на последних крупицах энергии. Кот шел неторопливо, под мощными лапами скрипели камешки, с хрустом ломалась высохшая трава. И говорил он совсем не своим, сиплым и страшным голосом:

– За тридевять земель, в тридесятом царстве есть зеленый

сад; в том саду есть мельница – сама мелет, сама веет и пыль на сто верст мечет. Возле мельницы золотой столб стоит, на нем золотая клетка висит...

Этот чужой голос посреди пустоши разносился окрест, но никто не отвечал ему. Не слышно ни птиц, ни насекомых, ровным счетом ничего, кроме звука шагов. Кот опустил голову к мутной луже, и в тусклом свете чужой луны я увидела отражение. Огромная лохматая голова, кажется, полосатая, светящиеся желтым светом бездонные глаза, открытая пасть с острыми зубами. Это был не Бальтазар.

Я вынырнула из видения и отскочила подальше. Компаньон вздрогнул и проснулся.

– Что случилось? – зевнул он.

– Ты не помнишь?

– Что помню? Яу снова говорил?

– Говорил и гулял по другому миру. И я впервые смотрела твоими глазами. Это был не ты. – Я подробно рассказала наблюдателям о случившемся. – Слова наоборот, я же чувствовала, что ответ рядом.

– Судя по описанию, это Навь, царство Кощеево, – подал голос старший летописец. – Захватчика нужно искать там.

– Это кот Баюн. Давно о нем ничего не слышал, – задумчиво протянул Ворлиан.

Кажется, пришло время открыть дверцу в моей избушке и шагнуть в туман.

Глава 6

Ром и гренадин

Проснулись ранним утром от настойчивого стука в окно. Ворон, черный, большой. Сначала подумала, что Кощей, спросонья лениво потянулась сознанием к нему, поймала мысль: «Открой окно, вести». Нет, не Андрей.

– Бальтазавр, открой глазоньки, к нам гости, – пихнула я котище в бок.

– Кто ходит в гости по утрам, тот поступает... опрометчиво, – вздернул губу кот, обнажая клыки.

Я, конечно, тоже не выпалась, однако никого кусать не собиралась. «Да ну и корм с тобой!» – подумала я и распахнула окно.

– Здравствуйте! От кого вести, какие вести?

– В спешке уходя, друзей новых не забудь, – прокаркала птица и добавила: – Дай поесть.

Компаньон соизволил поднять голову, наострил уши. Я положила на подоконник виноград и кусок мяса с позднего ужина.

– А от кого вести? – осторожно уточнила, когда ворон съел пару ягод.

– Ялия передает привет.

Черная птица легко взлетела вместе с куском мяса и была

такова. Какого лешего?

– К чему бы это? – сдвинул брови кот, сон как рукой сняло. – Приветы она передает.

– Может, она про Обжору говорит?

– Мы бы не ушли, не попрощавшись с ним, – возразил Бальтазар.

– Да, странно. Кстати, о нем...

Выспросила у кота немного подробностей о друге. Оказывается, Обжора что-то вроде сейфа: если съел с целью спрятать, то может хранить в себе долгое время, не испытывая проблем. А готовую еду просто съест. В общем, странная способность, самая странная из всех виденных в этих стенах. И очень на руку мне, есть одна шальная мысль.

– Ты доверишь ему? – уточнила я.

– Конечно, он надежный, как танк.

Мы ушли после завтрака, попрощавшись с учителями и Ворлианом, поблагодарили за помощь. Обжора помахал нам с лестницы – из-за веса ему тяжело спускаться и подниматься. Мне вручили оловянный прут и клещи, на всякий случай, вдруг, как в сказке, пригодится.

– Расскажи потом, как дело было, – попросил Ворлиан.

Изольда разминала лапы, готовясь к прыжку, я села на лавку и сжала в руках цепочку – одним Ключом на ней стало меньше.

Открыла дверь из Убежища в наш номер, впустила Ядвигиного кота и столкнулась нос к носу с горничной. В ее руке замерла поднятая метелочка для пыли, глаза округлились, рот приоткрылся в комичном выражении. В ноги всей массой врезался отвлекшийся на Супчика Бальтазар, так что я буквально выпала в комнату. Девушка, судя по всему, новенькая, не знала, что ко мне заходить не нужно, и выполняла свои обязанности, а тут мы. Картина маслом: открывается дверь изнутри уборной, а за ней – лес, озеро, домик на курьих ножках и девушка с животными. На смуглом лице горничной все недоумение мира. За ее спиной Тихон нелепо размахивает руками, он-то был здесь раньше – ему в Убежище нельзя, – но сделать ничего не мог. Приплыли.

Внутренний голос уныло протянул: «Так вот о чем говорил ворон». Придется уходить, и быстро – память стирать я не умею. Дальше как в песне: мое сердце замерло.

– Добрый день, – говорю, заталкивая котов ногой назад, в Убежище, и закрываю дверь. – У меня чисто, зайдите завтра, а лучше послезавтра.

Снова открыла дверь, продемонстрировала чистоту в душе и никаких пейзажей с котами и летучими мышами. Горничная пыталась что-то сказать, пятясь задом, но так и не смогла. Я улыбалась во все тридцать два – думала, лицо лоп-

нет от усердия, – пока она не закрыла дверь с той стороны. Казимир подери!

– Доигралась? – равнодушно спросил Изя, когда я выпустила своих.

Если честно, захотелось на него наорать, но я сдержала эмоции, только лампочка в ночнике взорвалась. Изумруд все понял – не дурак, и залез под кровать, с глаз долой.

– Ты думаешь о том же, о чем и я? – Бальтазар хлестал себя хвостом по бокам.

– Если думаешь, что наш отпуск накрылся медным тазом, то да. Пора собирать вещички и лететь домой. Ситуацию «двое: я и моя тень» необходимо решить, – я строго посмотрела на компаньона.

– Яу думал, в другой отель заселимся и все. Зачем сразу домой?

– Мы пойдем на пустошь, Бальтазар, вероятно, не на пару дней, а больше. Очень неудобно будет, если меня объявят в розыск, так что действовать начнем из дома, там соседи друг с другом даже не здороваются, пропадем – никто и не заметит, – я посмотрела в огорченные глаза кота. – И ты относишься к этому более чем несерьезно.

– Яу ничего не помню, тени никакой не видел, и никакой Баюн меняю не напугает. Вот.

Непрошибаемая самоуверенность. Между тем ночной разговор с директором и старшим летописцем оптимизма не вселял: если кто со зверем сталкивался, там же на месте и

лег в сыру землю. Это вам не более известная и мирная его ипостась – кот-баюн, то есть сказочник, а кот Баюн – зверюга дикая, жестокая и неизученная. О злом коте слишком мало сказок, чтобы понять мотивы, им движущие, и как с ним совладать не героям – обычной Бабе Яге и ее компаньону.

– Время добрых котиков прошло, – подытожила я.

Как водится в этом Лукоморье – вопросы, вопросы, вопросы. Стоит Кощея навестить, он котов не любит, вот пусть расскажет, что знает о своем соседе. К тому же меня распирало любопытство, что это он строит в деревне. Ворлиан сказал: «Процесс идет неведомо куда. Интересный тип этот Бессмертный».

* * *

Я не стала утруждаться обменом билетов и просто купила рейс на вечер. Снова четырнадцать часов в самолете, но порталы не умею делать, а в Убежище может быть открыта только одна дверь. Собрала рюкзачок с самым необходимым, все остальное сложила в Изольду на всякий случай – вдруг дождь пойдет.

– Выселюсь из номера и прогуляюсь, – сказала своим. – Чуть позже еды вам закину.

– Рыбки не забудь! – попросил Бальтазар.

– Что ты, сам наловить не можешь? – встрял Изумруд. – Вот пруд.

– Сам лови, яу лапы мочить не хочу.

– И поймаю...

Я захлопнула дверь, оставив котов в очередной раз разбираться, у кого усы пышнее. Ни дня без скандала.

Ушла из отеля спокойно, никто не косился, не шептался за спиной, наверное, горничная не успела никому рассказать. С другой стороны, кто ей поверит? Устала, перегрелась, бывает.

* * *

До самолета шесть часов.

Пообедала в кафе, где мы встретили Василису, там же купила целый мешок блюд навынос. Найти дверь, чтобы открыть Убежище, оказалось не так просто. Везде сновали туристы, да и местных пруд пруди. В итоге ноги сами принесли к тату-салону. Маркус был занят с клиентом, так что я устроилась напротив, в уличном кафе.

«Курлык, курлык!»

Небольшая стайка голубей расселась у моих ног. Судя по слишком внимательным и разумным глазам, это не обычные попрошайки.

– Привет, Тоха.

Телефон ожил.

Тоха: «Я в кино, не могу набрать. Че случилось?»

Я: «Как ты узнал?»

Тоха: «Смотрю иногда, как вы там. У тебя на лице видно – траблы какие-то».

Написала ему краткий пересказ последних событий, скормила птицам булочку.

Тоха: «Не ходи никуда сразу, заедь в гости. Перекантуешься ночь у нас, пусть Братан посмотрит, че за фигня, а то инфы мало».

Тут он прав, информации катастрофически не хватает. Любая помощь не повредит.

Тоха: «Кстати, я тут пытался посмотреть на Кошееву деревню, но этот маклауд поставил ПВО из лучников – ни одна птица не пролетит. Я те серьезно говорю, они всех сбивают».

Я: «Вот... Кощей!»

Звякнул колокольчик на двери тату-салона, вышла довольная девушка – еще одна с курорта сувенир привезет.

– Ладно, Тох, скоро увидимся, – сказала я голубям и поспешила к вышедшему следом за ней Маркусу.

– Привет! – слегка удивился мастер, когда я промчалась мимо него с пакетом, пахнущим морепродуктами.

– Некогда объяснять. Мне срочно нужна дверь, – на бегу ответила я.

– Что? – оторопел он. – Все мои двери в твоём распоряжении.

Я рысью пересекла салон и вставила Ключ в замок на двери кабинета.

– Ну наконец-то, чего так долго? – заворчал Бальтазар и

нахмурился: – Эй, ты чего, к колдуну пошла без меня?

– Мне не нужна дуэнья, кот. – Дверь захлопнулась прямо перед его носом.

Маркус стоял у входа с нелепым, совершенно не свойственным ему выражением лица. Черные глаза от удивления стали больше, и мне пришло на ум сравнение с пауком.

– Что это было? – он подошел и открыл дверь: там по-прежнему был его кабинет.

– Меньше знаешь – крепче спишь, – улыбнулась я. – У меня самолет сегодня вечером.

Маркус огорчился. Сказал, что клиентов по записи у него сегодня нет, закрыл салон со словами «надо гульнуть на прощание» и пригласил меня в один из множества баров.

* * *

Спустя немного времени стало понятно, что меня пытаются напоить.

После недолгой беседы о мотивах, заставивших меня покинуть это райское место, в ход пошли коктейли, но я была бы не я, не прочитай все, что только можно, о местной кухне и подводных камнях для туристов. Так что медленно цедила из кокоса ледяной напиток и ловко отказывалась от вариантов покрепче.

– В этом месте все пропитано ромом, Джьянина, – уговаривал Маркус. – Ты просто должна попробовать!

– Спасибо, но у меня напряженные отношения с крепкими напитками.

– А с Трехрогим у тебя тоже напряженные отношения?

Я едва не поперхнулась. Мир вокруг остановился, наш маленький столик словно накрыло невидимым куполом, шум и людской гомон исчезли, остались только бездонные, черные, без белков, глаза колдуна.

– Почему мы говорим о нем? – Голос слегка дрогнул, но я надеялась, что он не заметил.

– Этот дьявол не ходит по вечеринкам с девушками просто так. Если ты рядом – значит, с ним. Поговаривают, что он пропал с радаров. Так что, бросил тебя, как всех остальных?

– Не думаю, что это твое дело.

Даже не знаю, как расценивать подобные вопросы: грань между прямолинейностью и бестактностью весьма условна.

– А я думаю, что мое, – Маркус нахально улыбнулся. – Девушка, за которой я намерен ухаживать, может быть с кем угодно, но с пожирателем душ связываться себе дороже. У меня есть сомнения в вашей паре: обычно девицы рогатого выглядят влюбленными дурами, но не ты.

Не знаю почему, но мне стало весело, я смотрела на колдуна и смеялась. Первое потрясение прошло, вакуум вокруг нас испарился, и я вздохнула свободно. Маркус прет напролом, это не выглядит так же забавно, как фразы Челентано в исполнении Казимира, это другое. Я не испугалась. Много эпитетов вертелось на языке, так и не смогла выбрать самый

емкий.

– Знаешь, Казимир однажды дал мне чай со снотворным, чтобы я смогла отдохнуть, – улыбнулась я собеседнику. – Подарил мне доспехи, чтобы случайная стрела не поцарапала, сделал летательные средства по моим безумным фантазиям. Благодаря ему у меня есть метла с рулем и звоночком – красненьким – и ступа с ногами. – В горле пересохло, и я осушила свой коктейль быстрее, чем хотелось. – Казимир тянул меня к свету и воевал рядом со мной в битве, о которой ты знать ничего не знаешь. Ты еще хочешь рассказать мне о Трехрогом какие-то подробности?

– Тянул тебя к свету? Рогатый дьявол? – не поверил Маркус, а потом выдал: – Кому-нибудь интересна твоя темная сторона, дорогая Джьянина, или все только и твердят о свете? Очень надеюсь ее увидеть. Просто подумай над моим предложением.

– И как же ты собрался ухаживать через океан? – спросила я из озорства.

– Если ты скажешь «да», у меня будет повод поменять место жительства.

Вот это поворот.

Конечно, я не собиралась давать ему надежду, Маркус меня не привлекал.

Он наклонился ко мне поближе и заговорщически шепнул:

– Внутренних демонов надо выгуливать и иногда кормить,

Баба Яга, иначе можно сорваться в неподходящий момент.

Я не ушла. Мы потом еще долго говорили, сравнивая плюсы и минусы наших городов, пили коктейли, а когда пришло время, он проводил меня в аэропорт.

* * *

Под крылом самолета – пушистые облака, подсвеченные заходящим солнцем, похожие на розовую сладкую вату: кажется, их можно накрутить на палочку и отщипывать по кусочку. Я впитывала красоту, наслаждаясь последними мгновениями в чужой стороне. Глядя в иллюминатор, я не ощущала ничего, кроме легкости. Не существовало границ, я парила над океаном сама по себе, а на губах ощущался вкус рома и гренадина из коктейля Маркуса.

Глава 7

Сборник лучиков надежды

Представьте себе, что приходите домой после долгого отсутствия, а домашние животные укоризненно смотрят в глаза и вы чувствуете себя не в своей тарелке из-за того, что бедняжки сидят голодные и неглаженные. Представили? А теперь порадуйтесь, что они не разговаривают.

Допрос с пристрастием мне устроили два кота и одна летучая мышь.

– Ты зачем к колдуну одна пошла? – фырчал компаньон. – Яу тоже хотел время провести с тобой, а не с этим блошиным транспортом.

– На себя посмотри, помоешник! – не остался в долгу Изя. – Сидеть с ним взаперти – сомнительное удовольствие, Яга, хоть расскажи, зачем мы так долго куковали в Убежище.

– Давай историю, – пискнул висящий на карнизе Супчик.

– Ти-ихон! Чем она там занималась без нас? – завопил Бальтазар, но летописца не было, он умчался отчеты сдавать.

Пришлось рассказывать, хотя все, чего я хотела на тот момент, это помыться и лежать лежать, а потом еще сильнее лежать: перелет был утомительным. Несколько последних часов я развлекала мальчика, чтобы он не плакал, а его измученная мама могла выдохнуть. Да, люблю детей, я говорила.

– Ну и дела, я и не знал, что ты способна на импульсивные поступки, – одобрительно кивнул Бальтазар. – Маркус не лыком шит, я у присмотрю за вами. Больно пряткий.

Ой, да делайте что хотите, только оставьте меня! Ночью снова приключение, стоит сил набраться обычным способом, не все же зелья пить.

* * *

– Интересно, зачем Казимиру такая дверь? – задумчиво протянул Бальтазар, сидя у моих ног перед квартирой беса. – Мняю кажется, если выстрелить из гранатомета, стена рухнет, а она останется.

Да, в прошлый раз я тоже обратила внимание на массивную металлическую конструкцию.

– Ну, я думаю, чтобы персидские ковры не вынесли и что там у него еще, – я пожала плечами и нажала кнопку звонка.

На самом деле, не могу себе представить ограбление Каза. Бедняги воры зайками на всю жизнь останутся, если его увидят без маскировки, мне их искренне жаль. Можно, конечно, еще Клаву в них кинуть. Представила клацающую зубами пиранью в полете. Я недостаточно отдохнула, бред всякий в голову лезет.

– Привет, – коротко кивнул Тоха, открыв дверь. Хмурый он какой-то, непривычно даже. Может, случилось что? – Проходите, будьте как дома, я пока заказ с клиенткой обсу-

жу.

И скрылся в комнате.

– Здравствуйте, – вышла к нам Бастет. – Исчадие, что у тебя с ушами?

– Татуировки набил, – важно ответил кот, поворачивая голову влево-вправо, чтобы лучше рассмотрела. Кошка закатила глаза:

– Ты еще побрейся и ошейник с шипами купи.

– Кошки... – раздраженно-снисходительно протянул Бальтазар.

В прошлый раз мне было некогда рассматривать квартиру, а сейчас мы особо не торопились. Зашла в ближайшую комнату, как раз туда, где аквариум. Очевидно, это спальня Казимира. Огромная кровать из массива черного дерева застелена пушистым пледом леопардовой расцветки, на нем небрежно брошены оранжевые шорты с пальмами и красная вылинявшая футболка с надписью – судя по всему, любимая домашняя одежда. Здесь несколько месяцев живут без него, но и пальцем ничего не тронули, порядок не наводят, ждут, что в любой момент появится владелец. Снова начнет ругаться на кошку за шерсть, на подмастерье – за семечки и попивать свой любимый барливайн.

Ноутбук, игровая приставка, книги в застекленном стеллаже. Я подошла ближе: потрепанные корешки, названия на разных языках. Интересно, на скольких говорит Каз? За тысячу лет мог и все на свете выучить. Мой взгляд притянули

картины, смутно знакомые, но я не сильна в искусстве. Черно-белые, с сюжетами про сражение ангелов, сатира, рыцаря.

– Это гравюры Дюрера, им около пятисот лет. – Баст села возле меня. – Трехрогий очень их любит. Говорит, был знаком с мастером.

– Мняу теперь понятно, зачем такая дверь. – Кот присоединился к нам.

– Казимир упоминал, что время было веселое: все ждали конца света в 1500 году, а он слонялся по Европе, – вяло помахивая кончиком хвоста, продолжила кошка.

Интересные увлечения. Мы смотрели на картины, как туристы в музее: молча, с видом ценителей, а то вдруг примут за невежд.

– А что еще Каз рассказывал?

– Что джойстики придумали для людских рук, а о нем никто не подумал. Вечно ворчал, что неудобно.

Ворчливый бес с ущемленными правами потребителя... Какая многогранная личность. Я подошла к аквариуму: Клава лениво шевелила плавниками и не обращала никакого внимания на мое присутствие. Интересно, она скучает по хозяину?

– Ну че, я закончил, – появился в дверях Тоха. – Давайте перетрем.

* * *

План действий такой: уложить Бальтазара спать на Тохи-ну кровать, поставить телефон с включенным видеозвонком напротив и наблюдать из другого помещения.

– А как твой монстрик реагирует на пылесос? Не боится, когда под кровать что-то заезжает? – заинтересовалась я.

– Боится, мы и не запускаем там Захара, – ответила Бас-тет.

Давнишний рассказ друга о его необычном питомце не пестрел подробностями, потому очень ждала увидеть собственными глазами это чудо, у меня такого никогда не водилось.

Тоха скрылся в комнате, послышался неразборчивый шепот, и спустя пару минут взлохмаченная голова мага высу-нулась к нам:

– Братан не против, заходи, Исчадие.

– Яу спать, ставьте свои дурацкие эксперименты, – кот за-драл хвост и скрылся в комнате.

* * *

Ночь еще не вступила в свои права, в комнате полумрак, но телефон очень близко к кровати, на полу, и я надеюсь

разглядеть таинственного помощника.

Кот крутился на месте минут пять, укладываясь поудобнее, наконец затих. Еще минут десять ничего не происходило, потом послышался его голос. Снова разговаривает. Мы прильнули к маленькому экрану, никто из нас даже не дышал. По-моему, он рассказывал другую сказку.

Появление монстра я почти проморгала.

Вначале из-под кровати появились полосы черного тумана, напоминающие водоросли, которые колышутся течением; они поднимались вверх и парили над телом Бальтазара, будто ощупывали пространство над ним. Затем в тусклом свете появилась голова, похожая на птичью, с широким коротким клювом, мерцающими фиолетовыми глазами, длинными острыми ушами и перьями между ними, передние лапы с короткими пальцами, увенчанными когтями. Монстрик медленно осмотрелся по сторонам, не увидел опасности и вышел весь. Тельце все сантиметров сорок примерно, покрыто шерстью, задние лапы как у лягушки. Он мягко прыгнул на кровать, используя щупальца как опору, и завис над котом.

Сейчас он напоминал осьминога.

– Изучает, – шепнул мне на ухо Тоха, так тихо, что я едва слышала.

Подкроватный монстр сел рядом с котом, щупальца опустились ниже, сосредоточились на голове, по ним побежали белые искры.

Тоха выключил видео:

– Дальше так и будет сидеть, до конца сна.

– Ух, ничего себе! А что это за огоньки?

– Он так питается, забирает сон. Мне пришлось много спать, чтобы привести Братана в порядок, когда Каз привез его сюда.

Итак, Бальтазар дрых без задних лап в компании подкроватного монстра, а мы на кухне ждали результатов эксперимента по проникновению в сны.

Я осмотрелась и здесь: коллекция элитных напитков покрывается слоем пыли – подмастерье ничего не трогал.

Тоха странно на меня посматривал и отвечал как-то односложно, не могла понять, в чем дело. Как будто в углу стоит огромный слон, а мы изо всех сил стараемся его не замечать. И, кажется, я знаю, как зовут этого слона.

– Тох, ты напряженный какой-то, – осторожно начала я, стреляя в него глазами поверх кружки. – Расскажешь, в чем дело?

Он покачал головой и сделал вид, что его давно остывший дешевый растворимый кофе – верх наслаждения для гурмана.

– Антон обгадил твоего курортного поклонника, – ответила вместо него кошка. Я не поверила своим ушам:

– Погоди... что?

– Кто тебя просил, Баст? – возмутился маг. – Предательница.

– Подумаешь, – фыркнула кошка, – великая тайна. Когда вы расстались, он налетел стайей на колдуна и сильно испачкал ему одежду.

– А нечего было! – стукнул Тоха кулаком по столу. – Она ему не позволяла, я видел.

Да, не позволяла. Маркус и не спрашивал, взял и поцеловал. До сих пор не понимаю, стоит возмутиться или нет.

– Ты как-то бурно реагируешь, ничего не случилось.

– Угу, – зло согласился Тоха.

– Он ревнует, – снова ошарашила Баст и спокойно продолжила: – Помнишь, я говорила, что подавлять эмоции плохо, Антон? Надо все обсуждать, тогда душе будет легче и от этого магия лучше получается. Твои успехи напрямую зависят от спокойствия.

Слон в углу вырос еще больше.

Тоха сопел и молчал, весь как на иголках, но, судя по всему, не собирался свернуть кошке шею за такую подставу.

– Да, ревную, – наконец сказал он. – Ты же мой человек!

Этого мне еще не хватало... А как же Селина?

– Ты мне типа нравилась. Помнишь, я тебе цветы принес?

Да, я помнила цветы и вид оборванной клумбы возле дома. Было очень мило.

– Потом война эта, некогда было. А потом я ее увидел – и все, понимаешь? Я не спал, не ел, даже семки не мог грызть. У меня перья выпадали.

Семки – это серьезно. Я покосилась на Бастет.

Черная изящная статуэтка одобрительно кивала, полуприкрыв прекрасные зеленые глаза.

– Втрескался я, короче, в русалочку, – Тоха вздохнул. – Но это ничего не меняет. Ты все равно... Черт! Все равно мой человек, я не хочу тебя делить ни с кем. Кто он такой, чтобы воровать твое время? Мутный тип, я ему не доверяю и следить буду, хоть что ты мне скажешь. Вот так.

Кажется, я поняла, что он так сумбурно хотел мне сказать. Знакомое чувство. Я помню, как ревновала своих немногочисленных подруг в школе, когда они садились с другими или ходили в гости к тем, с кем я не общалась.

– Тох...

– А? – недовольно буркнул он.

– Ты тоже мой человек. Спасибо, что обгадил его, а то Маркус шустрый больно.

Друг кивнул и расслабился, будто гора с плеч упала.

Слон сдулся.

– Антон пробует новые силы, – сменила тему Бастет. – Перенос тела в другое место. Пока не очень получается, но мы работаем над этим. Сложно разбить годы обесценивания, внушения, что он никчемный...

– Баст, не надо о родителях, – глухо попросил Тоха.

– Надо. Ты так медленно развиваешься из-за них, из-за отсутствия веры в себя, но я тебя научу. Терпение у меня стальное.

Давно мы просто не сидели и не разговаривали по душам.

Тоха грустил, его снедала безответная влюбленность в незнакомку. Увидеть ее ему так и не удалось пока, а дежурить каждую ночь он «не маньяк какой-то».

– Хоть есть начал, а то и себе еды не покупал, и про меня забывал, – поддержала беседу кошка. – Приходилось требовать.

– Ну прости, скока можно извиняться! – насупился друг.

Я пригласила их с нами в Лукоморье. Мне надо души проводить, указания лешим оставить, с Черномором повидаться.

– А с богатырями повидаться не хочешь? – внезапно спросила кошка. – Антон в городе на Добрыню постоянно натывается, как будто у того в Лукоморье дел нет.

– Пожалуй, стоило бы, когда с Баюном разберемся.

– Если разберетесь. Странно все это, – задумчиво сказала кошка.

Меня ее неуверенность покорибила. Но что, если она права? История и правда странная.

Бальтазар проснулся через час, вышел, зевая, потребовал консервов.

– Ну, что там было? – спросил он, облизываясь.

– Мне надо поговорить с Братаном, утром расскажу, – от-

ветил Тоха.

Мы разошлись. Я отказалась ночевать в комнате Каза и ушла в Убежище, там привычнее. Посмотрим, что день новый нам принесет.

* * *

Встала ни свет ни заря, почти и не спала – все как я люблю, в общем. Прибралась в Изольде, смахнула пыль с сундука подарков, в очередной раз задумчиво и долго созерцала наследство старой Яги.

– Открой, – Супчик вернулся с охоты, уселся мне на плечо.

– Сегодня. Попозже.

– Долго ждешь, – пожурил меня малыш и улетел на свою любимую балку.

Да, долго. У меня все начинается не очень быстро, а потом несется под откос, ни один стоп-кран не остановит локомотив событий. Надеюсь хоть на рельсах удержаться.

* * *

Завтракать с друзьями – редкое удовольствие.

Тоха был весел, несмотря на заспанный вид, Бастет с аристократизмом английской герцогини ела с фарфорового

блюдца, мой кот чавкал и облизывался – какой контраст.

– Может, и его манерам поучишь? – обратилась я к кошке. – Последнее время он как-то распоясался.

– А фто не так с моими манефами? – поднял измазанную в соусе морду Бальтазар.

– Он может быть аккуратным, когда надо, Яга. Мне одного ученика за глаза хватает, – отозвалась Баст. Вот так элегантно меня отшили. Позже она пилила Тоху за растворимый кофе, когда можно сварить нормальный. Я смотрела на них, подперев голову кулаком, и думала, что Ворлиан точно знал, куда кого направить, – вот что значит профессионал. И, что-то мне подсказывает, не в шпионаже было дело, ой не в нем.

Все это хорошо, но дела сами себя не сделают.

– Тох, что монстрик сказал?

– Что два мира переплелись, – озадачил друг. – Кошак тот неизвестно где на просторах.

Из рассказа выходило: рядом огненная река, разрушенный мост и Баюн на высоком столбе сидит, во все стороны глядит, сказки рассказывает. Монстрик видел глазами Исчадия, как этот котяра точил когти о камни, высекая искры: злился, что сидит взаперти, кругом одни души да перекасти-поле. У него что-то отняли и отдали моему коту, потому они связаны.

– Будем узнавать, что там у него отняли.

Я отдала другу свой телефон, попросила отсылать иногда

родителям фото с отдыха – они не знают, что я вернулась, – благо снимков там великое множество. У меня будет примерно две недели на Пустошь, прежде чем в реальности начнут искать с собаками.

– За Изумрудом еще присмотрите, я его с собой не возьму, – попросила друзей.

На повестке дня осталось поговорить с Черномором и слешими. Хотелось по-дружески посидеть, поболтать, поэтому мы заказали в разных местах пиццу в больших количествах и несколько часов встречали курьеров.

– А если их не будет? – спросила Баст.

– Тогда яу все сам съем, – облизнулся Бальтазар.

* * *

Нам повезло. Богатыри на пляже, дядька Черномор, конечно, с ними, только тренировка у них странная: маршируют в гидрокостюмах, с лапами и оружием в руках, а командир знай себе покрикивает:

– Первой любовью солдата должен стать устав, второй – старшина!

– Ты что хромаешь? Рожать, что ли, собрался?

– Сейчас разберусь как следует и накажу кого попало!

Мы подошли поближе. Лица у всех до единого багровые: жарко сегодня; а Черномор в тени Дуба сидит, смотрит на это дело и травинку жует.

– Михаил Юрьевич, день добрый! – осторожно начала я. – Необычные у вас учения.

– О, здравия желаю, защитники отечества! – вскочил на ноги дядька, пожал руку Тохе. – Дык совсем от рук отбились. Вчерась один в самоволку уплыл с русалками! Подлец. И девки эти – ух! – глаз да глаз нужен. Вечно рядом с базой отираются.

– А Селина там была? – насупился Тоха.

– Да почем я-то знаю, одни хвосты мелькают, хоть окна заколачивай, – посетовал Черномор. – А чей-то у вас в руках так вкусно пахнет?

Оказалось, он пиццу никогда не пробовал. Как нанялся на работу долгие годы назад, так из Лукоморья ни ногой. Съел пару кусочков, оценил, подобрел и парней простил. Им мы тоже выдали пиццу. Новенькие на меня посматривали с опаской, а те, кто в битве выжил, вежливо голову склоняли. Отправила птиц за лешими. Через час троица явилась. Поляна под Дубом вполне годится и для пикника, не только для битвы.

– Я сегодня ухожу в Кощеево царство, связи со мной не будет.

– Хозяйка, эк вас понесло, сильно надуть? – спросил Нимгир.

– Да, ни минуты покоя.

– Ждать проблем здесь? – хмуро уточнил Бююрчи.

– Надеюсь, что нет.

Мирное небо Лукоморья, шелест листвы необъятной кроны, тихий плеск волннежно обнимают, как будто просят остаться. Бальтазар мелькает в траве – хвост трубой, бабочек ловит. Тяжелая туша, а прыгает бесшумно. Я вспомнила снежных бабочек из своего сна и девушку, с которой так легко говорить. Мне бы не помешала еще одна встреча. Подругами так и не обзавелась, одни мужчины кругом.

Отправила парочку ежей к деревне Косые Ложки, узнать, что там князь Андрей строит. Надеюсь, их не заметят, а вернусь – найду их, послушаю.

Мрачный Тоха то и дело поглядывал в сторону моря. Я не стала ничего говорить – это его дело. Бастет тоже помалкивала, только смотрела из-под полуприкрытых век.

Ключ похолодел – души рядом. Работать, работать. Последнюю трапезу на стол, баньку затопить, веник подать.

Эмоции заглушить, проглотить и не рыдать. Правила над дверью, если забуду.

* * *

Бальтазар терся вокруг меня, как самый обычный кот, подмурлыкивал:

– Давай, не томи, времяу пришло. Ты же воительница, не трусь, он не кусается!

А я смотрела на старый добротный сундук и не решалась открыть крышку. Замка на нем не было, только вертикаль-

ный засов – отодвинь и подними, но я робела.

Воительница, дарительница... В первую очередь я – человек. Потеряла подругу и до сих пор не оплакала потерю, не открывала подарок – не хотела признавать утрату.

Под пальцами гладкая доска, отполированная за многие века руками прежней владелицы. Петли и другие металлические части самую малость поржавели, но это не беда. Думаю, вы поняли: я думаю о чем угодно, лишь бы не о деле, тяну последние мгновения.

Бальтазар наконец умолк, уставился на меня своими глазами. Супчик застыл у него на голове – тоже ждет. Руки сами потянулись, отодвинули засов, крышка со скрипом поддалась и откинулась.

Святые суслики! Сокровище.

– Ягуся, мы не спим?

– Да вроде нет, котенька.

– Я чувствую себя крутым.

– По-моему, ты всегда себя таким чувствуешь.

В сундуке на чем-то тряпичном лежали артефакты, часть из которых мы видели в Музее Магии, только здесь должны быть рабочие. Широкий меч в украшенных камнями ножнах – кладенец, иначе что ему здесь делать. Серый клубок шерстяных ниток – навигатор сказочного мира. Аккуратно сложенное полотенце с незатейливой вышивкой.

– Волшебное, потом испробуем, что именно делает: мост или реку, – сказал Бальтазар.

Несколько маленьких – с ладонь, похожих на те, что в музее, флакончиков.

– Для живой и мертвой воды, отличаются символами. И смотри не перепутай, нельзя наливать куда попало, каждой воде свой, – серьезно наставлял кот.

Я потрясла их: в обоих плещется вода. Мы переглянулись. Супчик пискнул:

– Очуметь!

Да, я согласна с ним. Это бесценно!

– Кидаешь его – и лес вырастает, – объяснил кот про неприметный деревянный гребень.

Я складывала содержимое сундука на полу, добралась и до вещей. То, что показалось мне тряпичным, оказалось скатертью, а в ней завернуто сияющее на всю избу перо.

– Жар-птицу ощипали, – довольно кивнул находке кот. – Расстели-ка скатерку, хозяйка.

Я расстелила.

– Хочу лобстера! – важно сказал компаньон.

На скатерти появился живой, шевелящий усами лобстер. Скатерть-самобранка, ничего себе!

– Похоже, надо быть конкретнее, – отодвинулся в сторону кот.

– Я не буду его готовить, – отпрянула от здоровенных клешней. Животина явно была не рада и угрожала расправой. – Супчик, кинь его в озеро, пожалуйста.

Мышь легко подхватил несостоявшуюся еду и вылетел за

дверь. Лобстер вырывался, но с Супчиком сейчас не всякий справится. Просто диву даюсь, как он своими крохотными лапками может поднимать такие тяжелые грузы. Мы наблюдали, как он разжал коготки и в нашем озере раздался громкий «плюх».

– А теперь представь, если в волшебном озере он вырастет размером с корову, – предположил компаньон.

– Тьфу на тебя. – Богатая фантазия тут же услужливо показала картинку с гигантскими клешнями. – Пересмотрел ты второсортных ужастиков.

Бальтазар заказал вареные сосиски без упаковки. Ска-терть исполнила.

– Конец твоим ужинам «залей кипятком». Смотри не рас-толстей только, а то с этим шведским столом можно новые джинсы покупать через неделю. Мр-р.

– За собой смотри лучше. Новые джинсы купить легко, а вот новые волшебные доспехи – вряд ли.

Кот взгрустнул.

На дне сундука, под всеми вещами, лежал новенький блокнот с милыми сердечками на обложке, испещренный аккуратным почерком. Пролистнула пару страниц – записи рецептов, а в середине простой, запечатанный воском конверт с выведенной каллиграфическим почерком надписью: «Янине». Я догадалась, что там. Поднять крышку было сложно, а это... Но, раз начала, нужно идти до конца.

Пальцы будто онемели, совсем не слушались, я два-

жды уронила послание, прежде чем удалось сломать печать. Небольшой лист пожелтевшей от времени бумаги и вязь изящных букв.

«Здравствуй, моя дорогая!

Если ты это читаешь, значит, битву мы выиграли и меня больше нет. Я рада, что Лукоморье выстояло, хоть и не смогу насладиться победой. Ты не думай, что могла что-то изменить, не принять мой дар, остановить меня, не дать уйти. Время пришло, и мой поступок – закономерный конец, передача эстафеты и последний шанс сделать что-то действительно стоящее.

Яна, ты так молода, наивна, добра. Знаю, что доброта в тебе так просто не могла исчезнуть, она глубоко внутри, под грузом горя, но я не могла смотреть, как тьма захлестывает твою душу, как плещется черными лужами в твоих глазах. Это неправильно, так не должно было случиться. Мне так жаль, девочка.

Я приняла решение и подготовилась. Не расценивай дар как жертву или обузу, посмотри на него как на страховочный трос.

Мы были знакомы совсем недолго, но я полюбила тебя, как родную внучку, и мне хотелось передать все знания, опыт и уверенность, что у меня есть, тебе, Янина. К сожалению, у нас не было времени. Так что я допишу это письмо и закрою ящик в полной уверенности, что ты разберешься и без меня. Здесь, на этом листке бумаги, позволь дать тебе

пару непрошенных советов.

Люби.

Не бойся, ты живешь один раз, хоть и дольше других, моя девочка. Ты будешь ошибаться, страдать, но это ничто по сравнению с чистым светом любви. Найди в нем подпитку в сложные времена. Помни: любовь не бесчинствует, не раздражается, не мыслит зла. Любовь никогда не кончается, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут.

Не бойся терять.

Близкие уйдут, со временем утихнет и боль потерь, останутся только воспоминания, моменты прожитой с ними жизни, которые ты будешь видеть в пламени очага. Говори им спасибо за хорошее и плохое, но не держи. Отпускай ушедших.

Ищи себе ровню.

Не разменивайся на мелкое – пожалеешь.

Помни, кто твои друзья.

На этом я, пожалуй, закончу наравоучения. Оставляю тебе в наследство сказочные вещи и книгу своих рецептов. Помнишь те пряники, что ты уплетала за обе щеки? Приготовь и вспомни меня. Ты ведь знаешь: люди живы, пока их помнят.

Я не боюсь уходить, но несколько вещей меня печалят: я не увижу, как ты вырастешь в прекрасную и грозную Ягу, и мне очень жаль Изумруда. Он меня не простит, но ты будь с ним помягче, прошу тебя.

Да будет велик твой путь.

С любовью, Ядвига»

В Убежище шел летний дождь. Сквозь легкие облака проглядывало яркое солнце, и в его свете струи дождя были похожи на серебряные нити, а отдельные капли – на блестящие кристаллы.

– Ничего, Ягуся, надо жить дальше, – Бальтазар кончиком хвоста вытирал мне слезы.

Я прижимала к груди этот нелепый блокнот и отпускала подругу. Становилось легче, будто эти серебряные струи смывали сажу с моей души.

Летописец. Заметка № 1

Нам предстоит путешествие в Навь, на поиски кота Баюна и кладки Горыныча. Столько загадок кругом, угроз. Быть наблюдателем в такое время и почетно, и тревожно. Я немного опасуюсь неизвестности, шагнуть в туман за Ягой, но мы пережили страшные вещи, надеюсь, хуже уже не будет. Тем более – с таким арсеналом, какой оставила Ядвига, и силами самой Бабы Яги. Даже не знаю, писать о подарках в отчете или нет. Наверное, напишу, не отнимут ведь, а подобное долго не утаишь.

Интересно, как ведет себя царь Пустоши в своем царстве, откроются ли новые способности у Яги и найдем ли мы то, что ищем.

Время покажет.

Глава 8

Там, за туманами

На всякий случай мы приоделись. Доспехи кожаные – мне, доспехи волшебные, доставшиеся непомерной ценой, – коту. Супчик одобрительно попискивал: кажется, ему понравилось воевать, в отличие от меня, и он готовился к трудностям. Нашей троице есть чем угостить недругов, конечно, но мне бы не хотелось. Я считаю, что мы идем в экспедицию, пока мне не докажут иное.

Бальтазар сказал: «Должны выйти в нашей избе, только другой». Посмотрим, что это значит. В путь берем только то, что на себе.

Ключ, загадочная дверь, озноб.

– Там, за туманами бе-е-ерег наш родной... – затыкнул Бальтазар, переминаясь на пороге.

В нескольких сантиметрах от наших носов клубилась холодная непроглядная пелена границы миров.

– Что ж ты такой унылый, друг? Мне больше нравится вот так. – Петь я не умею, потому просто прочла: – Нам все нипочем, через левое плечо плюнем – и пойдем через туман.

Переглянулись и шагнули вперед.

Мгновение-вечность, в котором нога зависла над порогом, тело окунулось в сероватое клубящееся нечто и все ор-

ганы чувств обострились, анализируя новое. Без вкуса, без запаха, но странно плотное: ледяные крапинки, как иголки, кололи лицо, заморозили носовые проходы – щипало нещадно, как при минус двадцати, хотелось дышать ртом. И завеса упругая: я нажимала всем своим телом, чтобы пройти, крапинки-ледышки поддались, разрывая невидимую сеть, и... Голоса в моей голове ликовали. Лавина чужих жизней накатывала оползнем откуда-то с затылка, я разобрала нечто вроде «отпусти», зажмурилась что есть силы, но веки изнутри превратились совсем не в спасение – там на черном фоне порхали снежные бабочки.

– Заткнитесь! – закричала что есть мочи, но мой голос растворился в тумане, потерял силу сразу на выдохе, растаял нежным шепотом, легчайшим дымом упорхнул и остался частью завесы. Спутники меня не слышали, но голоса притихли, отголоски жизней спрятались по углам лабиринта. Пока они меня слушаются, но однажды я очнусь, подниму упавшие после смерти кота щиты, защищающие мое сознание от того, что я натворила и сколько жизней забрала, и тогда встречусь со всеми этими голосами один на один. Удастся ли мне приручить их раз и навсегда или до окончания службы буду с ними бороться? Как странно, тьма – это ведь не про меня, никогда не про меня...

Было.

Тихий голос с акцентом произнес: «Внутренних демонов надо выгуливать и иногда кормить, Баба Яга, иначе можно

сорваться в неподходящий момент».

Но не сегодня, колдун. Будь ты проклят, несмотря на правоту. За правоту.

Подошва тяжелых ботинок коснулась пола, мгновение-вечность кончилось. Спасибо большое на этом.

* * *

Изба, другая реальность. Я проморгалась, в ноги ткнулся Тихон и тут же отпрянул, Супчик встряхнулся, сердито заворчал. Все здесь так же, только цвета тщательно подобранных интерьерных вещей блеклые, словно им пара сотен лет, оттенки серого на стенах и полу, в грязные окна проникает тусклый свет.

– Что за ерунда, окошки мыла неделю назад, – автоматически брякнула я первое, что пришло в голову.

– Это все, что тебя волнует?

– Вырвалось.

Осмотрелись. Половицы натужно скрипят, потревоженная ногами и лапами пыль поднимается маленькими серыми смерчами, в углах паутина лохмотьями, толстые крупные хозяева плетеных ловушек замерли в ожидании добычи, все ветхое.

Любопытства ради я открыла сундук с доспехами, поморщилась от резкого скрипа – пусто. Сундук с наследством – все лежит как там, в другой реальности. Попросила Изоль-

ду открыть тайник с картой и монетами. Изба послушно откликнулась. Немного спокойнее стало, что связь с домом не потеряна, но как же здесь мрачно и неудобно! Спрятала карту в небольшую поясную сумку: взлетим – сориентируемся. Подумала, добавила несколько монет. Сомневаюсь, что мы здесь найдем хотя бы придорожный ларек, но чем черт не шутит.

Вопросы обгоняют друг друга: если это мир неприкаянных душ, то возможно ли попасть к светлым душам, ставшим энергией Лукоморья? И откуда берутся здесь эти неприкаянные, которым я последнюю трапезу не готовила? Где-то еще вход есть? Кошечье царство – Кошечьи тайны.

– Что ты встала как вкопанная? Пойдем посмотрим, что там снаружи, – Бальтазар выскочил в услужливо распахнутую дверь под тусклое красное солнце на сером небе.

Это странное слово – «наружа». Чахлые деревья, скалы, Изольда стоит на пяточке потрескавшейся серо-коричневой земли среди беспорядочно торчащих кольев. Черепа на них не четырехрогие, а принадлежат мертвым животным и, кажется, людям. Подошла поближе, взяла один в руки. Я не антрополог, но похоже, очень похоже на человеческий. Сама изба выглядит так же плохо, как и внутри: на крыше мох и засохшая трава, несколько тоненьких стволов торчит возле трубы – маленькие, едва живые деревца. Цвет у БТР тусклый, серый, грязные окна, у двери ржавые петли. Изба сидит на земле, только лапы торчат с огромными желтоватыми

когтями на скрюченных костлявых пальцах. Жуть какая.

Признаюсь по секрету, я ожидала от Нави чего угодно: кот из двухкомнатного станет трехкомнатным, у него покраснеют глаза или вырастут рога, Изольда примется разговаривать, а Супчик начнет пить кровь. Все оказалось гораздо прозаичнее и не удивило бы меня, обратись я к голосам в моей голове за подсказками. Но я их демонстративно избегаю, потому...

– Фу, откуда вонь? – я сморщила нос, пригнувшись.

Навь дурно пахла, таким доносимым поветрием ароматом гнилых овощей в жаркий летний день.

– Это ты, – компаньон прикрыл одной лапой нос и неловко запрыгал на трех конечностях от меня подальше.

– Что?

Бальтазар виновато посмотрел исподлобья:

– Яу забыл предупредить. Это же мир мертвых, а ты живая.

– Фу-фу, русским духом пахнет? – озарило меня.

– Да-а, – страдальчески протянул кот.

Вот это подстава!

Так меня за километр учуют все кому не лень. И что прикажете делать? Я внимательно смотрела на кота, кот – на меня, а потом мы одновременно спросили:

– Тихон, есть мысли?

– Писака, что скажешь, мр-р?

Летописец растерянно переводил взгляд с нас на пейзаж

и обратно. Дергал хвостиком, переминался:

– Данные обстоятельства... гхм... Подобных нюансов работы Яги я не припомню. Но позволю себе обратить ваше внимание на другую досадную мелочь: у Бальтазара тени в разные стороны. Извините, я скроюсь.

И действительно скрылся с глаз.

Кот извернулся и наконец увидел таинственное явление, открыл пасть, захлопнул, повертелся на месте. По морде видно – понял, поверил наконец, что мне не приснилось. И ему не понравилось: большие желтые глаза зло сверкнули, уши чуть прижались, под доспехами не видно, но, думаю, шерсть на загривке дыбом встала. А потом он просто отвернулся. Думаю, у нас обоих стоят блоки, отрицание случившегося. Интересно, а у Супчика есть травма с той ночи? По нему не скажешь, летает вон над нами.

Черная клякса, больше напоминающая картинку из теста Роршаха, нехотя двигалась следом за носителем, а затем вернулась в исходное положение.

Я смотрела под лапы компаньона и думала: это ни в какие ворота не лезет. Не успели границу перейти – и нате вам, получите еще ребусов. Загадочная вторая тень – больше и темнее естественной тени кота – потянулась, голова вниз, зад – вверх. Знаете, это просто возмутительно, совсем никакого стеснения.

– Как жить будем дальше, Бальтазар?

– Яу не знаю, но с твоим ароматом надо что-то делать.

Кстати, в избе такого не было. Наверное, пограничная территория.

Он отнял лапу от носа, чихнул и вздохнул:

– Ладно, кажется, яу сегодня потерплю, а вечером сварим зелье одно, обоняние отшибает на раз-два.

– Это все, что тебя волнует? – вернула я ему подколку. – Пойдем искать Баюна.

– Не хочу.

– Как это «не хочу»?

– Ну, у нас есть дела поинтереснее. Давай на Кощеев замок посмотрим, пещеру Горыныча найдем. Тебе лишь бы с чужими котами знакомиться! А если у него блохи или лишай? Сначала надо все разузнать.

Так-так, это что-то новенькое, Бальтазар не хочет нестись навстречу опасности. Неожиданно. Я на минуту задумалась, что в таком случае сделать-то, проблема сама себя не решит. Но и напролом сейчас, видимо, не стоит. Окружным путем так окружным путем.

– Тогда бросим монетку. – Я пошарила в сумочке и вытащила первую попавшуюся. – Орел или решка?

– Ты серьезно? – удивился кот.

– Я всегда серьезна, кроме выходных.

– Орел, – соизволил подыграть компаньон.

– Решка, – подкинула серебряный «дубок», поймала, шлепнула на тыльную сторону ладони. Монетка лежала растительным орнаментом кверху. – Твоя взяла. Куда идем?

– К Кощею, хочу Морока повидать, и компания бы нам не помешала.

– Пожалуй, надо поздороваться с местным правителем, прежде чем землю без разрешения топтать, – мирно согласилась я и достала карту.

* * *

Пир посреди незнакомой местности улучшает настроение. Скатерть-самобранка работает отлично: кофе и круассаны мне, рыбки коту, торт летописцу. На сладенькое он пригнулся, сел рядышком, тревожно глядя по сторонам.

– Да не дрейфь, писака, прорвемся! – облизнулся Бальтазар.

– Вот лучше скажи, что за названия тут такие: Керста, Истаяти, Скляные? – пристала я к Тихону.

– Керста – гроб, могила. Истаяти – погубить, погибель. Скляные – стеклянные. – Он торопливо собирал сладкие крошки и облизывал ложку.

– Знаете, друзья, я вот прямо чувствую воодушевление, желание покорять новые вершины, особенно первые. Гроб? Дайте два. Погибель? Святые суслики, как весело-то! – Мне хотелось завернуться в плед и сесть у очага с чашкой какао.

Видимо, скатерть владеет телепатией, поскольку на ней незамедлительно появилась чашка с дымящимся ароматным напитком. И сверху зефирки. Я тут же сцапала угощение –

эмоциональный фон необходимо поправлять любым способом.

– В путь? – Супчик приземлился мне на плечо и вцепился в косу.

– Да.

Столовые приборы исчезают сразу после еды – очень удобно. Я убрала скатерть и еще раз взглянула на карту:

– Изольда, будь добра, Складные горы, замок Кощея.

БТР прыгнула без разминки, меня впечатало в стену и придавило котом. Шишка на голове обеспечена, ушиб всей Янины тоже – котяра весит центнер.

– Мря-я-яу! Ты что творишь, курьи твои мозги?! – возмутился Бальтазар и вцепился всеми когтями в половицы.

Я попробовала установить связь с избой, но она меня не слышала, рано я радовалась. Казимир побери, это сколько нас швырять будет?

Шестнадцать раз.

* * *

Мы буквально вывалились из дома, как будто нам дали пинка для ускорения. Земля, земля родимая, как хорошо, что тебя не трясет! Я отдышалась и высказала Изольде все, что думаю о ее выкрутасах, пообещала не вытирать ноги перед входом и не чистить дымоход. Никогда. Тот момент, что я его еще не чистила и знать не знаю, как это делается, можно

опустить. Кот посулил метить по углам и обдирать косяки. Изба гневно хлопнула дверью: в этом мире нам еще предстоит поладить, видимо.

Я призвала ступу и огляделась.

Здесь было значительно холоднее, и Супчик вновь прицепился ко мне, чтобы согреться. Какое время дня – непонятно, такое чувство, что положение тусклого солнца не меняется. Бросила взгляд на часы: тринадцать двадцать две по Москве. Мы осматривали местность. Склеянные горы, наверное, не самые высокие, у меня не возникло ощущения букашки рядом со слоном. Правда, сравнивать мне не с чем, возможно, впечатление обманчиво. Я всегда восхищалась красотой горных вершин, но сама ни разу там не бывала. Вид гор напоминает мне пейзажи другого мира. Будь я альпинисткой, выдумала бы себе приключение научной экспедиции на дальней планете. На вершинах Склеянных гор лежат небольшие снежные шапки, причудливый рисунок гребней похож на фигуры диковинных зверей, и возле них парят небольшие серые тучки.

Мы остановились недалеко от подножия, на участке с более-менее приличными деревьями, у них даже листья имелись, хоть и довольно пожухлые. Кустарники и пробивающаяся между камней трава дополняли пейзаж. Местную флору питал спускавшийся с горы ручей, шумно скачущий по камням. Вода стекала, образуя маленькое озеро. Вороны кружили над нами, горланя во всю мочь: мы их спугнули своим

появлением. Вообще, на склоне горы растительность выглядела живее, чем у подножия, и гораздо более живой, чем в точке нашего появления.

Птицы умолкли. Ручей, до этой минуты шумный, будто застыл. Тишина. Такая странная, звенящая, после постоянного шума города режет слух. Длилась она мгновение, а потом со склона посыпались камешки и где-то высоко раздался рокот, стук, взвилась пыль – вероятно, случился небольшой камнепад. Птицы снова всполошились.

– Ягуся! – тревожный голос кота отвлек меня от созерцания. – Мы окружены! За твоим амбре не учуял их.

Оглянулась по сторонам – горынычи. Множество мелких родичей великого Змея, но не такие, как мы видели в деревне, когда Лешка рубил им головы, другие. У этих не кожа – костяная чешуя или что-то вроде того, они сливались с пейзажем, будто спецназ на операции. Я их не услышала за шумом камней, ручьем и вороньим граем. Змеи как будто вырастали из земли, поднимались внезапно: сначала бугрились большими камнями, потом расправляли шеи, крылья и летели к нам. Не скажу, что вид у них был приветливый. Один приземлился, выпустил пламя сразу из всех голов, два его хвоста хлестали по бокам. Вот не стоило этого делать. Мы все здесь нежные и легкоранимые, а потому теперь защищаемся, не раздумывая. БТР встряхнулась и в два длинных шага добралась до раздражителя. Любимый прием избы – волшебный пендель. Горыныч, бестолково размахивая крылья-

ми, полетел назад, упал на землю, что-то хрустнуло.

Его собратья зашипели, кто в воздухе, кто на земле.

– Что им нужно? – озадачился кот. – Я не слышал, чтобы они стаей нападали на людей, только на огороды.

– Драться! – обрадовался Супчик.

– Подождите, – я прислушалась.

Грохот нарастал, камнепад набирал мощь, но звучал как-то слишком ритмично, будто стук тяжелых копыт.

Бальтазар не послушал, кинулся вперед, азартно рыча, и столкнулся с одним из противников. Я видела, как его пасть сомкнулась на шее, обездвиживая голову, пригибая к земле, как пламя из другой головы с треском обрушилось на спину кота и будто стекло красной рекой по доспехам. Бальтазар отскочил назад:

– Хозяюшка, я чуть зубы не сломал! Его не прокусить. – Он встряхнулся, оскалился, завыл на остальных. Кольцо медленно сжималось. Изольда встала над нами, приступ строптивости прошел, она ждала приказа. Я не стала раздумывать над поведением этих странных горынычей. Спокойствие и некая отрешенность пришли изнутри, растеклись по телу, кулак сжался сам по себе, небо потемнело. «Убей», – шепнул безликий голос. Молния ударила в уже раненого избой змея, оставив выжженную землю и горящее тело. Остальные бросились врассыпную, но замерли на небольшом расстоянии. Я сцепила зубы, чтобы унять удовлетворение от момента. Вдох-выдох, я держу себя в руках.

Камнепад совсем рядом, оглянулись. Черно-красный навий конь неторопливо направляется в нашу сторону, за ним – пыль столбом и падающие камни.

– Вы всегда так глупы или сегодня особый случай? Лезете в чужой огород, не проверив, есть ли охрана, – поприветствовал нас Морок и встал на дыбы, распугивая змеев: – Пшли вон, дармоеды!

Горынычи нехотя попятились еще дальше, сливаясь с ландшафтом.

– Дружище! – обрадовался Бальтазар.

– И тебе привет, саркастичная морда, – не осталась я в долгу.

Конь заржал:

– Я сильно не торопился, здесь нечасто увидишь шоу. Буянишь, Баба Яга?

– Иногда женщине нужно громыхнуть, – я подмигнула Мороку и посмотрела на гору. Где-то там замок Кощея, а мы – незваные гости.

Глава 9

Огненная река

Морок косился на нас красным глазом, попыхивал пламенем из ноздрей, и я почувствовала себя неловко. В гости напрашиваться не умею, о чем с ним поговорить – сразу не сообразу, не подготовилась к встрече, о другом думала. Неловкая пауза переросла в неловкий антракт. Лучше бы пошли Баюна искать, будь он неладен.

– Ключик куда-то спрятала, Яга? – наконец произнес конь. – Не чую.

– Так надо, – пискнул Супчик и уселся коту на голову.

– Конечно, а то, не ровен час, выкрадут, – совершенно серьезно кивнула я, вспоминая, как Обжора открыл пасть, внезапно ставшую невероятно большой, как у крупной змеи, и проглотил ключ старого Кощея. Хоть бы никто не узнал про этого кота. Тайну храним я, Бальтазар, Ворлиан и, собственно, наш пухлый друг. Стоит заметить, что директор был слегка шокирован необычной эксплуатацией его подопечного, а вот Обжора легко согласился. Сказал, что быть причастным к великим делам даже не рассчитывал, а так, получается, он не последний хвост в большой игре. Очень горд собой, котел на лапках.

– Оно и правильно, – кивнул Морок и сменил тему: – Его

пресловутое Величество князь Андрей Бессмертный сейчас отсутствует, в гости пригласить не могу, а вот у вас остаться – это запросто. Кстати, ты духи с собой случайно не носишь?

И стоит, хлопает пушистыми красными ресницами, сама невинность и тактичность. Конский череп на частоколе хорошо бы смотрелся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.